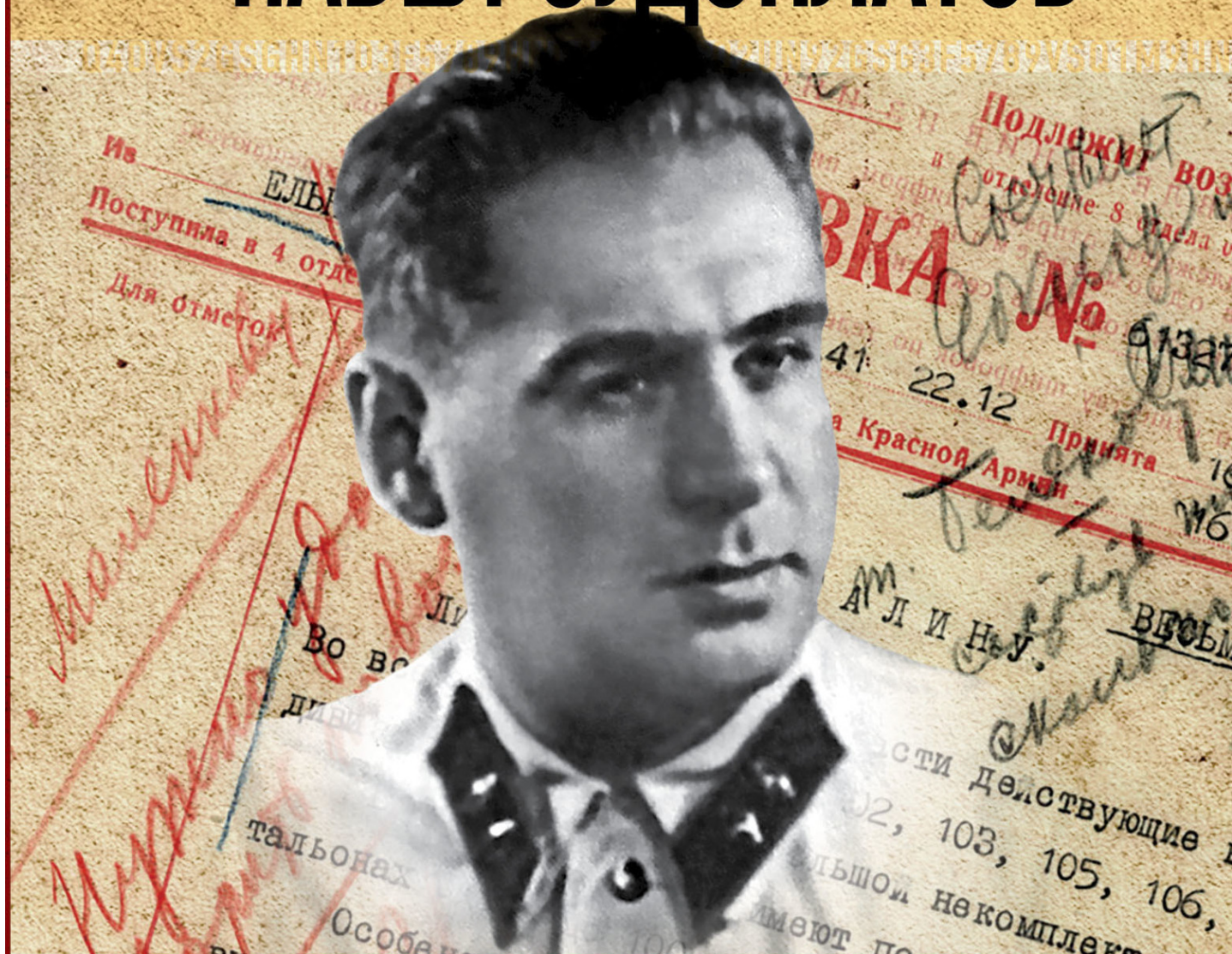

GHN1DANONMIEGMYAPRYEПOДMГPИФOМN7D2V5D1M
D3F5789N1DVSQ1MD2NU<CEKPECTHO>WIEG3F5789HNRSG3F57

ПАВЕЛ СУДОПЛАТОВ

ПОБЕДА В ТАЙНОЙ ВОЙНЕ

1941-1945 ГОДЫ

Мемуары под грифом «секретно»

Павел Судоплатов

**Победа в тайной
войне. 1941-1945 годы**

«Алисторус»

2018

УДК 94(47+57)"1941/45"
ББК 63.3(2)622

Судоплатов П. А.

Победа в тайной войне. 1941-1945 годы / П. А. Судоплатов —
«Алисторус», 2018 — (Мемуары под грифом «секретно»)

ISBN 978-5-906995-98-8

Книга генерал-лейтенанта НКВД П.А. Судоплатова, одного из руководителей службы разведки и диверсий, которого с приходом к власти Н.С. Хрущева оклеветали как нежелательного свидетеля и на долгие годы вычеркнули из истории органов безопасности, рассказывает о неизвестных ранее эпизодах и секретных операциях советских разведчиков во время Великой Отечественной войны, о противодействии немецким спецслужбам, о ядерном шпионаже, о непростых отношениях разведок и контрразведок бывших союзников по антигитлеровской коалиции.

УДК 94(47+57)"1941/45"

ББК 63.3(2)622

ISBN 978-5-906995-98-8

© Судоплатов П. А., 2018

© Алисторус, 2018

Содержание

От автора	6
Глава 1. Канун войны	7
Уязвимость внешней разведки накануне войны	10
Иерархическая пирамида	12
Ведущее направление – немецкое	13
Иностранцы-спецагенты	17
Где досье Рамона Меркадера?	19
Разделение спецслужб	28
Новые приоритеты	30
Три направления	32
Глава 2. Советско-германский пакт о ненападении	36
Кто первым протянул руку?	36
Конец ознакомительного фрагмента.	40

Павел Судоплатов
Победа в тайной войне, 1941–1945 годы

© Судоплатов П.А., 2018

© ООО «ТД Алгоритм», 2018

От автора

Предлагаемые воспоминания – плод не одного года. В них – моя жизнь. Я пишу лишь о том, что пережил, говорю о тех событиях как свидетель или непосредственный участник. Происхождение некоторых событий, их мотивы мне не всегда были понятны. Не принято было в той системе, в которой проходила моя профессиональная деятельность, быть откровенным, распахнутым. Во всем должна была соблюдаться сдержанность. Иногда я ничего не знал, что происходило в соседнем кабинете. Значение слов, сказанных как бы мимоходом Сталиным, Молотовым, Берией, Микояном, Маленковым и другими руководителями страны, я осознавал значительно позже, после важных событий, произошедших во внутренней жизни и на международной арене.

О значении того или иного человека, его личности, чертах характера судят по его делам. Точно так же можно судить и о государстве. Чем крупнее событие, происходящее во благо страны, тем державнее государство, тем значительнее его вес в мире. Почему до сих пор внимание миллионов людей приковано к одному из величайших событий XX века – Великой Отечественной войне 1941–1945 годов? Да потому, что многие пружины, приведшие к победе советского народа в величайшей битве, долгое время были скрыты, неизвестны, о них знали лишь немногие. Только недавно стало известно о тайных операциях, которые проводили наши разведка и контрразведка нередко вместе с советскими дипломатами.

В последнее время в нашей печати появилось немало публикаций с воспоминаниями тех, кто называет себя либо очевидцами, либо участниками крутых поворотов в нашей истории, действий разведки и тайной дипломатии. В этих работах очень много наносного, выдуманных мифов и легенд. Особенно грешат ими те, кто по своему служебному положению в прошлом, как правило по линии ЦК КПСС, имели значительные возможности ознакомиться с секретными документами из архивов КГБ, МИД. Однако цитируются теми, кто открестился от прошлой партийной работы – В. П. Наумовым и А. Н. Яковлевым – документы всегда выборочно, не полностью. Таким образом, чтобы даже посмертно скомпрометировать неугодных лиц данными из фальсифицированных уголовных дел, утративших свое юридическое значение. По возможности, развеять их, снять ненужные наслоения – в этом тоже я вижу свою задачу. Это не простая миссия. Но она необходима. Чтобы точно оценить происшедшее, надо хорошо представлять себе подлинные мотивы акций Советского государства в критические периоды нашей истории, отбросив обывательские представления. Чтобы не делать в будущем ошибок, нужно глубоко знать подлинную подоплеку героики и трагедии прошлого. Истины простые, только не все следуют им. Оттого и рождаются мифы, возникают недомолвки, недосказанности да и просто вымыслы.

Ряд соображений об известных событиях должен стать известным лишь после моей смерти.

Глава 1. Канун войны

В 1939 году, после того как П. Фитина, молодого журналиста, пришедшего сразу на руководящую работу в органы НКВД, недавно окончившего ускоренные курсы разведывательной Школы особого назначения (ШОН), и меня назначили руководителем Иностранного отдела (внешней разведки), Берия, тогдашний нарком НКВД, счел нужным разъяснить нам основные направления наших государственных интересов в тайных взаимоотношениях со странами Запада. Его высказывания со ссылками на «указания тов. Сталина» резко контрастировали с официально провозглашенными на XVIII съезде ВКП (б) целями «советской внешней политики». Считаю нужным воспроизвести их по памяти.

«Не думайте, что ликвидация Троцкого может подменить трудную и важнейшую вашу задачу обеспечения по линии разведки важнейших акций советской внешней политики, – говорил Берия. – Надо научиться защищать методами агентурной работы наши позиции в местах, где у нас переплетены интересы с противником и где без тайного сотрудничества в силу ряда соображений ни англичанам, ни французам, ни американцам, ни японцам, ни немцам без нас не обойтись. И наша разведка должна сопровождать акции действия советской дипломатии, во главе которой поставлен В. Молотов».

И меня, и Фитина удивило, что Берия сказал о том, что наши послы и поверенные в делах в Чехословакии, Китае, Франции, Германии и США выполнили первую часть своей миссии – провели тайный зондаж намерений в сфере взаимных отношений с руководством Англии, Франции, США и Германии. «Мы нужны этим господам, – продолжал он, – поскольку передел господствующих позиций американцев, англо-французов, немцев и японцев в Европе, Китае и на Дальнем Востоке неизбежен в ближайшее время. Тов. Сталин считает, – говорил Берия, – что этот передел выльется в военное столкновение. Для вашей ориентировки имейте в виду, нам, в отличие от царских дуроломов в 1914 году, следует как можно дольше оставаться в стороне от схватки. Мы будем воевать только тогда, когда нам это будет выгодно. Эту задачу будут решать наши послы-резиденты Панюшкин и Уманский».

Во время этой встречи мы узнали, что наиболее глубоко тайный обмен мнениями происходил в Германии, Турции, Финляндии, Швеции, где советским послом была А. Коллонтай. И хотя Коллонтай, заметил Берия, «сочувствует разгромленной оппозиции», трогать ее мы не будем. Нам важно сохранить ее как участника тайных переговоров, уже имевших место. Имейте это в виду на ближайший год, отмечал нарком, независимо от тех материалов, которые на нее придут.

«Но определять содержание диалога с американцами о противостоянии японцам в этой стране, – продолжал Берия, – будет не Панюшкин, а Уманский, наш посол в США. Он же должен будет заниматься поддержанием особых отношений с Бенешем в Америке. Имейте в виду, – наставлял Берия, – что Уманский уже выполняет ряд обязанностей главного резидента НКВД во всей Америке. По Германии мы определимся особо позднее, так считает товарищ Сталин».

Центральный госпиталь КГБ, новое здание недалеко от станции метро «Щукинская». Отделение кардиологии. Небольшая палата, больничная койка. Неприятная обстановка. Шепотом говорящие люди. За дверью слышны чьи-то неторопливые шаги. В палате все время горит свет. Это несколько напоминает тюремную камеру. Тем не менее разница огромна. Там можно было только думать, а тут не только думать, но и писать без постоянного контроля над тобой. После августа 1991 года и развала Советского государства как-то по-особому ярко и четко вспоминается то великое и историческое время, когда ценой огромных усилий, человеческих жизней, колоссальным напряжением сил отстаивалась от нашествия фашистско-немецких полчищ шестая часть земли с названием Союз Советских Социалистических Республик.

Из головы все время не выходит катастрофа страшного обвала, потрясающей грызни, предательства военных, предательства чекистов, когда никто не вспомнил ни о присяге, ни о долге, чтобы защитить страну, защитить государство, интересами которого жили все советские люди. Если говорить по большому счету, то никто не стал на пути страшной кровавой драмы, которая развязалась на глазах всего мира. Сейчас огненные языки войны, локальные и этнические конфликты подступают к самому сердцу России со всех сторон. Война протекает то в явной, то в скрытой форме. На душе тревога, что будет впереди? Мы явно вступаем в новый мир.

Что в этой ситуации моя судьба и мое имя? Его превратили в разменную монету в стремлении растоптать все наше прошлое, полностью зачеркнуть громадное военное и политическое наследие, которое дает материальные основы нынешней жизни страны. «Демократы» собственную грызню и борьбу за власть, передел собственности прикрывают лозунгами свободы, борьбы со сталинизмом и преступлениями КПСС. На щит поднимают террористов, подручных Гитлера – Коновальца, Шухевича, агентов-двойников, шпионов, перебежчиков, националистов, уничтоживших еврейское гетто в Литве, жертвами которых стали тысячи советских людей.

На этом фоне бесполезно апеллировать к руководству КГБ или СВР. Оно трусливо выжидает развития событий. Пресса, спекулируя на событиях трагичного прошлого, намеренно не замечает разнuzданной волны уголовного и политического террора, которая захлестнула Россию и другие территории прежнего СССР. Оправдываться за пройденный путь мне ни к чему, да и не перед кем, особенно когда работу по реабилитации жертв политических репрессий возглавляет бывший член политбюро А. Яковлев, ставший академиком и доктором наук на лаврах идеологической борьбы с американским империализмом и к тому же в 1966 году явившимся соавтором сценария судебной расправы над «идеологическими врагами – клеветниками-анти-советчиками» Синявским и Даниэлем.

Для меня один выход – написать книгу-исповедь для широкой аудитории у нас в стране и за рубежом, чтобы зафиксировать навечно в качестве первоисточника те реальные героические и трагические испытания, которые выпали на нашу долю. Я хочу, чтобы люди поняли, что демонтаж нашей военной мощи, расхищение экономических ресурсов, дискредитация и ликвидация органов разведки, безопасности, охраны правопорядка обернутся бедствиями и нищетой для миллионов.

Память то и дело возвращает к кануну 1941 года, ко времени, когда неуклонно нарастала опасность беспощадного столкновения с враждебным нам миром. Выбор был прост: или мы останемся суверенным государством, или нас уничтожат. Сейчас выходит много различных рассказов из-под пера лиц, допущенных к архивам, к старым секретным документам, освещающим зигзаги и повороты нашей истории. Но полезно все-таки взглянуть на то, о чем мало пишут и не говорят, – каким путем мы шли к созданию великой державы, попытаться разобраться во всем этом с позиций того, что происходило на Лубянке в то время.

Роль органов госбезопасности в советской истории можно оценить только после того, как не стало Советского Союза, неотъемлемой частью которого они были, вернее, были опорой той системы. В журналистике да и в литературе существует утверждение о том, что с созданием ОГПУ вместо ВЧК после Гражданской войны менялись главные функции наших разведывательных и контрразведывательных органов. Отчасти это так.

ЧК существовала в условиях чрезвычайных, в условиях Гражданской войны. После смерти Ленина главная спецслужба страны была реформирована в объединенное государственное политическое управление (ГПУ). Однако она по-прежнему оставалась аппаратом осуществления политических репрессий как внутри страны, так и за границей. Очень важно при этом понять, что репрессии рассматривались партией и советским руководством как необходимое, вынужденное действие, цель которого – подавление политической оппозиции и укреп-

ление Советского государства. Одновременно ОГПУ стало тем, что было несвойственно ВЧК. Оно выполняло важнейшую задачу информационно-аналитического обслуживания руководства страны. В 30—50-е годы XX в. без соответствующего заключения ОГПУ – НКВД – НКГБ – МГБ о «фактическом», как говорил Ленин, «положении дел» руководство страны, как правило, не принимало никаких решений по кардинальным вопросам внутренней и внешней политики.

Создание внешней разведки в органах госбезопасности было продиктовано необходимостью проведения прежде всего контрразведывательной работы за рубежом среди эмиграции. Поэтому все операции против эмиграции первоначально осуществлялись контрразведывательным отделом (КРО) ОГПУ под руководством А. Артузова. И не случайно, что он, руководитель контрразведки в 1930 году, сменил М. Трилиссера на посту начальника внешней разведки. Внешняя разведка вплоть до 1939 года контрразведывательные задачи за границей считала главным направлением своей деятельности.

Лишь в 1941 году после создания Наркомата госбезопасности и организации в его структуре 1-го (разведывательного) управления перед разведкой были поставлены главные задачи в получении информации о намерениях правительств ведущих капиталистических стран, выявлении политических планов буржуазных государств, получении агентурным путем новых технологий для советской промышленности.

Разведка также должна была «активно сопровождать» мероприятия внешней политики СССР как крупнейшей державы мира. Но наряду с этим продолжалась и работа, начатая в контрразведывательных отделах ГПУ, по выявлению направленных против СССР заговоров и подрывной деятельности иностранных государств, их разведок и генеральных штабов, а также антисоветских политических организаций, по вскрытию шпионской террористической деятельности на территории нашей страны иностранных разведывательных органов.

Смещение задач было связано с тем, что к началу 1941 года, то есть к кануну войны, разгром террористических, повстанческих и других антисоветских эмигрантских организаций в основном был завершён. Можно судить да рядить по поводу методов этой борьбы, однако очевидным является то, что активная оппозиция, жаждавшая войны против СССР и ратующая за сотрудничество с ведущими капиталистическими державами, была обезглавлена. В частности, было ликвидировано руководство Российского общевойскового союза (РОВС). Он полностью был дезорганизован и никакой заметной политической роли в советско-германской войне уже сыграть не смог. Такой же эффект был получен и после ликвидации верхушки украинского националистического движения.

Нанося последние удары в 30-х годах по руководителям ОУНа и РОВСа, последовательно спецслужбы СССР лишили эмиграцию доверия ведущих капиталистических государств, то есть того подпорья, на которое рассчитывали спецслужбы и военные круги западных стран, планируя будущее военное столкновение с Советским Союзом. Для руководителей западных спецслужб было совершенно очевидно, что ставка на ослабленную нами эмиграцию в борьбе против СССР хотя и важна и может принести ущерб нашей стране, но вместе с тем бесперспективна. В военном противоборстве с Советским Союзом придется рассчитывать только на свои силы.

Уязвимость внешней разведки накануне войны

Создание агентурного аппарата и агентуры влияния за границей, опирающейся на Коминтерн, позволило решить важную задачу получения необходимой информации о намерениях противника. При этом следует иметь в виду, что поскольку дипломатические отношения были ограничены, а права послов – полномочных представителей Советского Союза за границей до 1939 года, в особенности до прихода Молотова, – были огромными, несопоставимыми с правами послов 40—50-х годов, важность каналов разведки приобретала особое значение для предварительной проработки ряда крупных внешнеполитических акций, осуществляемых Советским правительством по усилению роли СССР как великой державы.

Надо сказать, что координация деятельности органов внешней разведки и спецслужб всегда являлась ахиллесовой пятой в Советском государстве. Первоначально роль координатора работы военной разведки, ОГПУ, Наркомата иностранных дел, Коминтерна и зарубежной разведки выполнял М. Розенберг, работник ЦК РКП(б), известный как первый представитель Советского Союза в Лиге Наций в качестве заместителя ее Генерального секретаря, первый полпред СССР в республиканской Испании. Но вопрос координации деятельности спецслужб заключался не в том, чтобы ставить перед кем-то какие-то задачи, дополнявшие функции военной разведки, ОГПУ и дипломатии или чтобы поддерживать конкуренцию между спецслужбами. Реальность тогда состояла в том, что в главных капиталистических странах в 20—30-е годы функционировали объединенные резидентуры ОГПУ и Разведупра Красной Армии, тесно взаимодействовавшие с отделом международной связи – нелегальным аппаратом Коминтерна. На первом этапе это помогло создать мощный агентурный зарубежный аппарат. Однако объединенные резидентуры Разведупра и НКВД в канун войны и когда она началась оказались очень уязвимыми. Связники и курьеры зачастую знали агентов, принадлежавших к различным советским спецслужбам. А провалы советской разведки в конце 20-х – начале 30-х годов в Польше и Китае вообще заставили в 1939 году отказаться от работы в рамках объединенных резидентур военной и политической разведки.

Важный момент для понимания событий того времени – соотношение деятельности Разведупра и разведки органов госбезопасности. Возьмем, например, судьбу знаменитого руководителя советской разведки, вышедшего из контрразведки А. Артузова. Пишут как-то вскользь о том, что Артур Христианович Артузов, в оперативной переписке «Алексеев», возглавлял одновременно и Разведупр Красной Армии, и ИНО ОГПУ. Почему это произошло? Потому что руководство страны после провалов в Европе и Китае искало наиболее приемлемую для себя форму координации разведывательной деятельности.

В 1930 году Бюро по координации деятельности разведки во главе с М. Розенбергом было упразднено. Тогда же на заседании Политбюро ЦК ВКП(б) деятельность советской внешней разведки подверглась всестороннему критическому анализу, причем закордонная работа ОГПУ получила неудовлетворительную оценку. После вскрытия предательства Я. Блюмкина М. Трилиссер был заменен старым чекистом С. Мессингом. В январе 1930 года его заместителем стал А. Артузов. В свете изменения внешнеполитической обстановки было принято решение пересмотреть приоритеты в работе разведки. Белоэмигрантское движение, противостояние которому являлось основной задачей ОГПУ в течение 20-х годов, перестало представлять первостепенную угрозу для СССР.

Важнейшими направлениями работы Иностранного отдела были признаны создание надежной агентуры, внедрение ее на жизненно важных объектах буржуазных государств, способной добывать достоверную информацию политического, экономического и научно-технического характера. В 1933 году была определена структура центрального аппарата Иностранного отдела ОПТУ.

В 1934 году на Политбюро ЦК ВКП(б) был вновь поднят вопрос о закордонной работе советских спецслужб: Разведупра Красной Армии и Иностранного отдела ОГПУ. Для разработки плана специальных операций за границей была образована постоянная комиссия в составе руководителей этих служб. Начальник ИНО ОГПУ А. Артузов был назначен по совместительству заместителем начальника Разведупра Красной Армии.

В 1934 году в СССР существовало четыре самостоятельные разведывательные службы. Это Иностранний отдел ГУГБ НКВД, Разведуправление Красной Армии, отдел международной связи Коминтерна и Специальная группа особого назначения при наркоме внутренних дел (СГОН), которую возглавлял Я. Серебрянский («Группа Яши»). В этих условиях Артузов по совместительству был назначен заместителем начальника военной разведки. Почему? Потому что речь шла о необходимости кардинального укрепления контрразведывательного обеспечения закордонной работы нашей разведки. Опыт Артузова, знание им русской эмиграции, которая была одним из основных источников формирования агентуры, больше всего нужны были в этот период. В 1935 году Артузова в качестве начальника ИНО сменяет А. Слуцкий. Артузов возвращается вновь в НКВД в 1937 году в качестве научного сотрудника на правах заместителя начальника Учетно-регистрационного отдела.

Возьмем период репрессий. Ведь не случайно в 1937 году Разведупром Красной Армии руководил старший майор госбезопасности С. Гендин. Дело в том, что, возглавляя одно время подразделение в системе военной контрразведки, Гендин имел довольно хорошее представление о работе аппарата военной разведки, знал компрометирующие материалы на его основных сотрудников. В годы войны мы также искали формы организационного взаимодействия в работе разведывательных органов как по линии госбезопасности, так и по линии военной разведки.

Мне довелось возглавлять не только 4-е Управление НКВД – НКГБ, известное как диверсионно-разведывательное управление, но по совместительству в течение всей войны, за исключением, кажется, шести месяцев 1942 года, вплоть до июня 1946 года быть заместителем начальника всей внешней разведки госбезопасности. Этого требовала необходимость координации деятельности спецслужб, ибо зафронтовая работа против противника базировалась на использовании всего потенциала агентурных, оперативных и технических возможностей НКВД— НКГБ как внутри страны, так и за рубежом.

Иерархическая пирамида

В канун войны произошло очень важное, но мало кем замеченное событие – персонификация внешней политики. Она замкнулась на конкретных руководителях Советского государства: Сталине и Молотове. Разведка, как правило, не посвящалась в те внешнеполитические стратегические задачи, которые рассматривались высшим руководством страны. Только по мимолетным суждениям Молотова, Берии, Микояна и Вышинского можно было иногда судить о мотивах принятых решений. Поскольку соображения «за» и «против» обсуждались на самом верху, для разведки была определена главная задача – поставлять руководству не анализ разведанных, а информацию о жизни советского общества и об обстановке за рубежом. Разведка, в дополнение к излагаемым данным, должна была докладывать «наверх» лишь соображения о том, заслуживает ли источник информации и его сведения доверия. Сообщения, касающиеся необходимости корректировки внешней политики государства по линии НКВД—НКГБ, Сталину в 1939–1941 годах не представлялись. Очень важно отметить, что эта традиция, установленная еще в советское время, продолжается зачастую и сейчас.

Если мы почитаем докладные записки того времени, направленные руководством наркоматов внутренних дел и государственной безопасности руководству страны, то увидим, что в них содержатся просьбы получить согласие на проведение очередной крупной операции, которая в военно-политическом плане означала новые нюансы в отношениях с иностранным государством либо касались вербовки особо важных деятелей и использования определенных финансовых средств.

А с какими инициативами выступало руководство Наркомата внутренних дел или Наркомата госбезопасности в канун и во время войны, по каким вопросам государственного строительства? Чаще всего речь шла о расстановке кадров, о получении санкций на проведение агентурно-оперативных мероприятий, имеющих существенное политическое или международное значение. Но чаще всего предложения НКВД и Наркомата госбезопасности накануне и в годы войны касались реализации директив правительства.

Иерархическая пирамида представления информации тех лет выглядела так. «Наверх» выходил народный комиссар, министр. Он докладывал и формулировал вопрос. Когда существовал Комитет информации под руководством члена Политбюро ЦК ВКП(б), 1-го заместителя председателя Совмина СССР, министра иностранных дел В. Молотова с 1947 по 1949 годы, то Молотов имел самостоятельный выход на Сталина. Начальник разведки выходил или на наркома, или на его заместителя. Такими людьми в канун и в годы войны были В. Меркулов и Б. Кобулов. Кобулов – заместитель Берии по НКВД в 1939–1941 годах, был единственный заместитель наркома госбезопасности в разгар войны, в 1943–1945 годах. Других заместителей, курировавших агентурную работу в НКГБ в тот период, не было. И это при громадном ее значении.

Важно и то, что начальник Разведупра Красной Армии имел в отличие от начальника разведки НКВД – НКГБ в ряде случаев право самостоятельного выхода на высшее руководство, то есть на Сталина. Сталин регулярно принимал у себя в Кремле и на даче руководителей военной разведки, причем зачастую без участия в беседе начальника Генерального штаба. Однако руководителей внешней разведки органов госбезопасности и закордонных резидентов НКВД – НКГБ он всегда принимал вместе с их непосредственными руководителями – Берией, Меркуловым и Кобуловым.

Ведущее направление – немецкое

Ведущими оперативными подразделениями в НКГБ накануне войны были: 1-е – Разведывательное управление (РУ), 2-е – Контрразведывательное управление (КРУ), 3-е – Секретно-политическое управление (СПУ) и Управление особых отделов. Военную разведку тогда осуществляло 3-е Управление Наркомата обороны СССР.

Основным направлением в работе органов разведки и контрразведки (НКО) являлось немецкое.

Главной задачей в работе Секретно-политического Управления по-прежнему было разгром антисоветских политических партий, остатков «троцкистского подполья» и тому подобных оппозиционных организаций внутри страны.

Первый отдел контрразведывательного аппарата был самым важным. Он разрабатывал агентуру немецкой и итальянской разведок. Второе направление было нацелено на Японию, которая также считалась одним из главных наших противников. Отдел занимался также отслеживанием действий английской и американской резидентур. Разрабатывали контрразведчики и наших неактивных противников – главным образом, действия спецслужб нейтральных стран на нашей территории. Очень важно отметить, что в составе контрразведывательного отдела было специальное подразделение, которое занималось охраной дипломатического корпуса.

В организации разведывательной работы за границей опять-таки ведущее направление было немецкое. Второе – связано с Францией, Италией, странами, оккупированными немцами. Третье – нацелено на США. Оно также включало в себя научно-техническую разведку. Четвертое направление касалось Японии, Маньчжурии, Кореи и Китая. Специальным направлением считались Синцзян, Монголия и другие территории на Дальнем Востоке. Агентурная разведка велась и в государствах Ближнего Востока.

Наряду с этими обстоятельствами следует отметить, что Контрразведывательное управление и Управление военной контрразведки, а также подразделение, отвечающее за обеспечение безопасности на транспорте имели самостоятельные выходы за границу через соответствующую агентуру. Большую разведывательную работу проводило Главное Управление пограничных войск (ГУПВ) НКВД, которое имело свои собственные разведывательные отделы и в соответствии с положением о нем также отвечало за разведку театра военных действий в прифронтовой полосе.

Это смешение функций очень отчетливо проявило себя в том, что информация, поступавшая по различным источникам, нуждалась в правильной координации деятельности основных оперативных разведывательных подразделений. Зачастую это не удавалось осуществить. Скажем, Управление пограничных войск в 1941 году вообще не входило в структуру органов госбезопасности. Это удлиняло сроки ознакомления с материалами разведки погранвойск руководства органов безопасности.

Контрразведывательную и разведывательную работу курировал заместитель наркома госбезопасности Б. Кобулов. К нему стекалась вся оперативная информация.

Весь объем информации спецслужб позволял сделать два однозначных вывода: во-первых, не было никаких иллюзий, что главным противником является Германия, и, во-вторых, что источник войны находится в пределах Европейского театра военных действий.

Работа Секретно-политического управления (СПУ) заключалась в том, чтобы парализовать на случай войны остатки антисоветских политических партий и организаций – основного резерва вражеских спецслужб в противоборстве с Советским государством.

Еще одно направление в работе СПУ имело первостепенное значение – не допустить вооруженных выступлений националистических организаций в поддержку противника. Главная нацеленность на оперативно-розыскные мероприятия всего аппарата госбезопасности сыг-

рала очень большую роль в будущей войне. Никаких организованных выступлений в поддержку немцев в нашем тылу, за исключением Прибалтики и Западной Украины, за период войны не произошло. По учетам НКВД, основные лица, которые потенциально могли сотрудничать с противником, были известны.

Тем не менее масштаб содействия немцам в годы войны был все равно значительным. Во власовской армии и вспомогательных формированиях служили свыше 400 тысяч человек. После разгрома фашистской Германии у нас был создан мощный учетный аппарат. С его помощью мы хорошо знали участников формирований, оставшихся в эмиграции, а также тех, кто был захвачен в плен. После войны мы обладали всеми реальными возможностями не допустить использования этой силы в массовом порядке против Советского государства. Мы знали людей, которых могли бы завербовать для своих целей западные спецслужбы. И это обеспечило локализацию так называемых повстанческих выступлений в Прибалтике и на Западной Украине в 1944–1950 годы. Исключена была возможность перехода вооруженной борьбы на внутренние районы страны.

Так совпало, что мое назначение заместителем начальника Иностранного отдела в мае 1939 года было связано со значительными кадровыми перестановками, проведенными в аппарате органов госбезопасности и военной разведки.

Несколько слов о военной контрразведке. Первоначально 4-й (Особый) отдел ГУГБ НКВД, то есть военную контрразведку, возглавлял В. Бочков – выпускник Военной академии имени М. В. Фрунзе, пришедший по партийному набору. Он обладал довольно широким военным кругозором. В 1940 году он неожиданно был выдвинут на должность Генерального прокурора. Дело в том, что М. Панкратьев, сменив Вышинского, обвинил Берия в прекращении дел против «врагов народа», в освобождении лиц, по которым прокурор не усматривал оснований прекращения уголовного преследования. Было создано две комиссии по этим вопросам. Почему две? Панкратьев писал на Берия заявления дважды. Одно заявление было написано в 1939 году, сразу как Панкратьев стал Генеральным прокурором. По этому заявлению работала комиссия, которая не нашла злоупотреблений служебным положением и халатности по прекращенным делам. В 1940 году Панкратьев вновь написал заявление, в котором утверждал, что опять прекращаются дела, возбужденные в отношении «врагов народа», и их прекращение, на его взгляд, является необоснованным, недостаточно согласованным с прокуратурой. Вторая комиссия также осуществила проверку и снова не нашла подтверждений выдвинутым обвинениям. После этого Панкратьев был снят с должности Генерального прокурора, а на его должность был выдвинут Бочков, юридически совершенно неподготовленный человек, окончивший военную академию. Но тем не менее считалось, что он может провести в жизнь все необходимые директивы по правоохранительной деятельности.

С обстоятельствами отставки В. Бочкова с поста Генерального прокурора связаны трагические события, а именно убийство дочери посла СССР в Мексике К. Уманского и самоубийство сына министра авиационной промышленности А. Шахурина. Было возбуждено уголовное дело. Следствие по нему вел лично заместитель наркома госбезопасности Б. Кобулов и заместитель начальника 2-го. (Контрразведывательного) управления НКГБ Н. Сазыкин. Бочков стремился «замять» это дело. Но Сталин приказал дать ему ход и рассматривать как пример бытового разложения членов семей советского руководства. Дело быстро приобрело политическую окраску. В него оказались втянутыми дети других ответственных работников, в частности члена Политбюро А. Микояна. Семьи Микояна, Шахурина и других наркомов жили в атмосфере постоянного напряжения и страха. Дети ответственных работников, принадлежавшие к «золотой молодежи» того времени, были осуждены за незаконное хранение и использование чужого огнестрельного оружия. Пытавшийся замять это дело Бочков был снят с должности Генерального прокурора и вернулся на службу в конвойные войска.

Значительно больший след в военной контрразведке оставил А. Михеев. Он запомнился мне инициативным работником, понимавшим, что главная задача военной контрразведки заключалась в ограждении наших вооруженных сил от проникновения вражеской агентуры и срыве разведывательно-диверсионных операций в ближнем тылу наших пограничных военных округов. Однако реализовывать эту задачу было не просто, так как за военной контрразведкой тянулся очень большой след старых дел 1936–1937 годов. Целые направления работы нацеливались «на разработку остатков троцкистско-бухаринского подполья и военных заговорщиков – сторонников Тухачевского в армии и на флоте».

Военная контрразведка в ущерб отслеживанию боеготовности Красной Армии интенсивно занималась перепроверкой показаний соучастников и свидетельств так называемого военного заговора 1937–1938 годов. Михеев не раз говорил мне и Фитину об удручающей картине компрометирующих показаний на большую часть командного состава Красной Армии, запрашивая заграничные материалы на наших военных руководителей.

Много раз встречавшийся со мной сотрудник Отдела политических репрессий Администрации Президента Российской Федерации Л. Решин показывал мне ряд материалов о том, что после массовых арестов 1937–1938 годов советское руководство в индивидуальном порядке решало вопрос о достоверности и серьезности этих материалов. По существовавшей тогда жесткой практике выписки из компрометирующих показаний на командный состав Красной Армии докладывались ЦК ВКП(б) в обязательном порядке. А вот «наверху», похоже, отдавали себе отчет в том, что достоверность этих материалов вызвала сомнения.

Практика докладов о компрометирующих сигналах на высоких военных существовала во все времена. В военном аппарате об этом прекрасно знают, так же как и то, что используют эти документы лишь из соображений политической целесообразности, за исключением случаев очевидных провалов в работе или конкретной вины за чрезвычайные происшествия. На среднем уровне НКВД существовало некоторое недоумение, что материалы уходили «наверх», как в песок. Так было не только с военными, но и группой видных деятелей нашей творческой и технической интеллигенции. Несмотря на «компрометирующие», по данным НКВД, факты, их награждали орденами и медалями за заслуги перед Родиной, за вклад в развитие науки, литературы и искусства.

Говоря о работе Л. Райхмана, П. Федотова, А. Михеева, нельзя не остановиться на тех структурных направлениях, которые обеспечивали функционирование аппарата госбезопасности. В системе НКВД и МГБ была еще одна организация, обычно ассоциирующаяся с самыми темными делами, которые осуществлялись в период, условно можно сказать, сталинской эпохи ВЧК – НКВД. Речь идет о так называемом Особом бюро при наркоме внутренних дел СССР.

Многие отмечают, что в системе НКВД и в органах разведки и контрразведки в начале войны не существовало информационно-аналитических подразделений, поэтому информация агентуры очень часто получала субъективную оценку Сталина и Молотова. Но это не совсем так. Особое бюро при наркоме внутренних дел как раз и было центром информационно-аналитической работы. В его состав входило специальное отделение по систематизации и обобщению информации, направляемой в правительство. Эту большую работу возглавлял заместитель начальника Особого бюро А. Коссой, ставший позднее видным советским экономистом. На завершающем этапе войны и вплоть до конца 1946 года мне пришлось по совместительству возглавлять Особое бюро. Мы занимались подготовкой методических пособий, рассылкой указаний, обобщением информации о работе разведывательных и контрразведывательных органов противника, обобщением опыта чекистской работы. Справочная картотека Особого бюро на государственных деятелях зарубежных стран была важным подспорьем для оперативных отделов разведки и контрразведки. Информационная работа аналитиков велась четко и зачастую материалы Особого бюро по запросу правительства представлялись в более короткие

сроки, нежели справки, которые получались из разведывательных и контрразведывательных подразделений НКВД – НКГБ.

Транспортное управление, обеспечивающее безопасность на железнодорожных и водных коммуникациях, возглавлял С. Мильштейн, который одно время руководил Секретнополитическим управлением НКВД. Это был довольно грамотный человек, необычайной работоспособности, имевший опыт работы не только в органах государственной безопасности, но и в сельском хозяйстве и железнодорожном транспорте. Некоторое время он возглавлял сельскохозяйственный отдел ЦК партии Грузии. Мильштейн был одним из немногих, кто во время оперативных совещаний мог позволить себе разговаривать с Берией на «ты». Надо отдать должное аппарату, который возглавлял Мильштейн. Ни одной крупной диверсии не удалось совершить противнику на транспорте в канун и во время войны. Оперативная работа Мильштейна была построена очень эффективно, система функционировала безотказно.

Мощным подспорьем в деятельности ведущих оперативных подразделений стала получившая значительное развитие шифровальная и дешифровальная работа и радиоконтрразведка, возглавляемая А. Копытцевым, И. Шевелевым и В. Блиндерманом. В канун войны мы читали шифропереписку японского посольства в Москве и японского МИД. Связано это было с двумя мероприятиями, которые мы успешно осуществили. Японский МИД свою диппочту в Москву отправлял нашими поездами без сопровождения. Во Владивосток она доставлялась в специальных вализах. 3-й специальный отдел НКВД сумел так наладить дело, что прямо в почтовом вагоне была создана небольшая лаборатория, сотрудники которой вскрывали японскую диппочту, фотографировали ее, вновь запечатывали так, что никаких следов вскрытия не оставалось.

Не могу не отметить, насколько скромно в количественном отношении формировался штат руководящих работников госбезопасности. Высшее руководство НКВД в 1939 году состояло из четырех заместителей наркома внутренних дел. Один из них – В. Меркулов. Он вел Главное управление госбезопасности. Первым замом Меркулова короткое время числился И. Серов, а затем Б. Кобулов. В феврале 1941 года было, как известно, принято важное решение о создании НКГБ, который должен был выполнять функции госбезопасности и охраны правительства. Его выделили из Наркомата внутренних дел. Наркомом стал Меркулов, первыми замами Серов и Кобулов. Надо учесть и то, что в самый пик работы с 1943 по 1945 год Меркулов имел только двух заместителей, причем один из них был замом по кадрам. Все это говорит о том, что штаты руководящих работников не раздувались. Работали сверх человеческих сил.

Иностранцы-спецагенты

Когда мы говорим о кадрах советской разведки и ее нелегального аппарата, важно выделить следующее обстоятельство. Что такое были для нее 20—30-е годы? Становление Советского государства с использованием кадров Коминтерна неизбежно ставило вопрос о том, что иностранные граждане и подданные в качестве спецагентов и источников информации зачастую превращались в штатных оперативных сотрудников Разведупра Красной Армии, ИНО ОГПУ – НКВД и Особой группы Серебрянского.

Достаточно припомнить такие фигуры, как бывшего польского офицера И. Сосновского («Сверщ») в Контрразведывательном отделе ОГПУ, еврея из Трансильвании Я. Бодеско-Михали в КРО. Яркими личностями были нелегальные резиденты, ныне широко известные венгр Теодор Малли («Манн»), словацкий еврей А. Дейч («Отто», «Ланг»). Заметную роль в становлении советской разведки органов безопасности сыграл австриец подполковник Георг Миллер – участник рабочего движения, организатор и создатель «паспортного стола» – документов прикрытия для советских нелегалов в 30—40-е годы. Репрессии его не коснулись, так как он был уникальным специалистом. Он дал путевку в жизнь советским офицерам – мастерам паспортного дела, в частности полковнику П. Громушкину, изготовившему в годы войны прекрасные документы прикрытия для известного всей стране Пауля Зиберта – Героя Советского Союза Николая Кузнецова. Наконец, начальник Иностранного отдела Артузов также был советским гражданином иностранного происхождения.

Нельзя не отметить, что в штатах ОГПУ и Разведупра Красной Армии на положении граждан иностранного происхождения оказалось много высокопоставленных сотрудников. Однако в 30-е годы в связи с провозглашенным Сталиным «освежением кадров» началась закономерная проверка обстоятельств зачисления их в кадры советской разведки.

На положении лиц, подлежащих тщательной проверке, оказалось подавляющее большинство спецагентов ОГПУ за границей, ставших штатными сотрудниками аппаратов разведки в центре и на периферии. Среди них оказались те, кто сыграл громадную роль в становлении разведывательной службы.

После того, как Советское государство укрепило свои позиции, как произошел разгром троцкистской оппозиции внутри страны и за рубежом, изменились отношения с ведущими капиталистическими странами и появились, наконец, свои кадры, получившие профессиональную подготовку и высшее образование, вопрос был поставлен руководством страны по-другому.

Лица иностранного происхождения и имеющие родственников за границей не имели права состоять на действительной службе в советских органах военной и внешнеполитической разведки и в системе органов безопасности. Это позволяет нам понять, почему, скажем, Теодор Малли, погибший в 1938 году, ряд видных работников разведки иностранного происхождения и т. д., будучи кадровыми сотрудниками, подвели под собой своеобразную черту.

Ни К. Филби, ни Д. Маклейн, приехавшие в СССР позднее, ни Кэтрин Гариссон, она же Кэти Харрис, кроме агентов и источников, будучи иностранцами, несмотря на получение советского гражданства, кадровыми сотрудниками не стали. И дело не в том, что кто-то бежал сюда, пройдя тюрьму, кто-то был более удачлив и оказался в Советском Союзе не будучи формально засвеченным иностранной контрразведкой. Дело в том, что совершенно по-новому подбирались руководящие и оперативные кадры.

Отбор происходил через систему специальных учебных заведений, появившуюся еще в 30-е годы и которая применительно к разведке оформилась по указанию Сталина в Школу особого назначения (ШОН) внешней разведки. Поэтому прекращение существования Коминтерна в 1943 году было логичным прежде всего с точки зрения создания совершенно нового

кадрового наполнения как Народного комиссариата иностранных дел, так и аппаратов военной разведки и органов государственной безопасности.

Еще один важный вопрос, который заслуживает специального освещения. Это источники информации. Очень много пишется о том, что репрессии парализовали работу советской разведки. Это верно. Но они имели и другие далеко идущие последствия. Дело в том, что многие не отдают себе отчета в том, что в работе советской разведки было два этапа. Вначале была автономность, самостоятельность как за кордоном, так и внутри страны, когда резиденты и крупные работники имели право вербовки людей в ряде случаев без одобрения Центра.

Этот период начал завершаться при Артузове в середине 30-х годов. Если появлялся источник информации, то оформлялись соответствующие учеты, автоматически заводили дело, в котором подшивались все материалы по агенту. Но идеальных агентов не бывает. В любом деле накапливаются положительные и компрометирующие материалы. Переход к бюрократизации в середине 30-х годов связан был с заведением пространных дел. И арест, и увольнение из органов разведки довольно видных людей автоматически ставили вопрос о доверии к источникам информации и приобретенной агентуре.

Кроме того, сейчас, когда рассуждают о том, как можно было бросать тень недоверия на такие важнейшие источники информации, как К. Филби, Д. Маклин, Г. Берджес, Арвид Харнак и Харро Шульце-Бойзен, ставить под вопрос существование преданных нам кадров, которые в условиях подполья поставляли исключительно важную информацию? Здесь следует отметить важнейшее обстоятельство. Помимо репрессий и сфальсифицированных дел против сотрудников внешней разведки применительно к группе «Кембриджской пятерки», временное недоверие к ним было обусловлено наличием реального перебежчика В. Кривицкого и невозвращенца А. Орлова-Никольского, которого пытаются поднять на щит «борьбы со сталинизмом».

В. Кривицкий, сотрудничавший с английскими и американскими спецслужбами, дал им общую наводку на Филби и Маклейна. Орлов-Никольский знал подробности об их работе. И никто не мог поручиться, что, сбегав на Запад, он не предал этих людей. Не исключалось также, что Орлов-Никольский мог стать на путь сотрудничества с противником и спровоцировать перевербовку этих источников. Для любого специалиста, имеющего опыт разведывательной работы, является аксиомой прекращение контактов с агентами, если они находились на связи у оперативного работника, который исчез, а потом объявился на Западе. Не следует забывать и о том, что Филби, Маклейн, Берджес лишь в годы войны и в последний период своей деятельности выросли в исключительно ценных агентов.

Наконец, есть еще одно очень важное обстоятельство. О разведывательной работе и сотрудничестве с нами знаменитой «Кембриджской пятерки» имел более или менее ясное представление один из близких этим людям человек, широко известный у нас в стране и за рубежом – Виктор Ротшильд. Занимая видное положение в английской разведке, он фактически действовал как «двойник» – мы получали от него важную информацию. Близость к Ротшильду бросала тень подозрений на характер этой информации, поступавшей в Москву от Филби и Берджесса. Ротшильда как источника информации и как канал дезинформации через наших резидентов в Лондоне А. Горского, И. Чичаева, К. Кукина мы использовали в течение всей войны. Покинувшего службу в английской разведке, В. Ротшильда, как мне говорили, вплоть до 80-х годов регулярно приглашали на все официальные приемы в советское посольство в Лондоне.

Где досье Рамона Меркадера?

В самый канун войны, по-моему, 16 июня 1941 года временно возглавлявший работу по эмиграции в нашем разведуправлении НКГБ года И. Агаянц вынес постановление о завершении операции в отношении руководства троцкистского Интернационала. Это было символично. Сталин и Берия ставили перед разведкой задачу к началу войны закончить операцию «Утка».

20 августа 1940 года Рамон Меркадер ликвидировал Троцкого. Однако прошел почти год, прежде чем Н. Эйтингон, руководивший в Мексике этой операцией, и мать Рамона Каридад Меркадер-дель-Рио («Мать», «Клавдия») оказались в Советском Союзе, что дало возможность подвести итоги этой операции не по сообщениям агентуры, а в ходе личного обмена мнениями.

Нам удалось не просто обезглавить троцкистское движение, а довести его до полного краха. Сторонники Троцкого быстро теряли остатки своих позиций в международном рабочем движении. Их деятели оказались в ситуации почти враждебного недоверия друг к другу, многие перейти на конспиративное сотрудничество с полицейскими органами США и агентурным аппаратом германской разведки, руководствуясь желанием всячески мстить компартиям США, Франции, Италии.

К ликвидации Троцкого наряду с группой «Мать» Эйтингон привлек проверенные кадры нашей агентуры из Испании, эмигрировавшей в Мексику. Там же в изгнании находилось республиканское правительство. Именно Эйтингон с большим риском для жизни провел операцию по выводу руководства испанских республиканцев и компартии весной 1939 года во Францию. При этом в дополнение к вывезенному в 1936 году испанскому золоту удалось эвакуировать из Барселоны значительные средства в валюте и драгоценностях. Они затем были использованы для поддержки испанской эмиграции и для создания конспиративного аппарата во Франции, Мексике и ряде стран Латинской Америки.

В 1940 году было принято решение об укреплении нелегальной работы в Америке. Иногда почему-то неправильно истолковывается период между 1939 и 1940 годами, как время прекращения разведывательной работы в США. Да, действительно, из США были отозваны И. Ахмеров («Бил») и его помощник Н. Бородин («Гранит»). Но одновременно туда был послан вместе с И. Григулевичем («Юзик») в качестве нелегала опытный разведчик, прошедший большую школу в боевом аппарате Особой группы Я. Серебрянского, только что восстановленный в кадрах разведки после ареста, Константин Кукин («Игорь»), особенно отличившийся в годы Великой Отечественной войны, причем на ее самых острых перекрестках. Именно Кукин, П. Пастельняк («Лука»), Г. Овакимян («Геннадий») в 1939, 1940 и 1941 годах заложили совместно с Эйтингоном и Григулевичем прочный фундамент для успешной деятельности нашей разведки на американском континенте.

После 20 августа 1940 года мать Меркадера вместе с Эйтингоном первоначально укрылись на Кубе, где у семьи Меркадеров были надежные родственные связи. Григулевич, сменив документы, вынужден был уйти в подполье и легализоваться в США. Потом Каридад и Эйтингон также перебрались в США, вначале в Нью-Мехико, а затем в Сан-Франциско.

В 1941 году в США очень сильно ужесточился контрразведывательный режим. В то время мы получили важную информацию из американского Минюста и Федерального бюро расследований от источника, близкого к американским правительственным кругам, о том, что в США разработана целая программа профилактических мер по изоляции как пронацистских, так и прокоммунистических элементов в случае войны и введения чрезвычайного положения. Программу стали активно проводить в жизнь в связи с началом Второй мировой войны. Это была только часть крупных мероприятий, которые американцы затем осуществили в 40-е годы.

Тогда были депортированы японцы и интернированы лица, связанные с немецкой нацистской колонией.

Наша агентура, в особенности группа «Дяди» в Калифорнии, имевшая прочные связи с негласным аппаратом КП США, оказалась в поле зрения американской контрразведки. Поэтому было принято решение о переброске Григулевича в Латинскую Америку, как говорили, на периферию, «в деревню». Тогда было две так называемых деревни: ближняя – это Мексика, дальняя – Канада. Но пребывание Григулевича в Мексике после ликвидации Троцкого было бы слишком рискованным. Наши связи среди испанских эмигрантов и актива профсоюзов были частично отслежены местной контрразведкой. Она, правда, не имея доказательств о причастности к убийству Троцкого, никого из подпольного агентурного аппарата не могла задержать, но часть группы Сикейроса все же была арестована местной полицией. Поэтому Григулевич с помощью сотрудников нашей резидентуры в Вашингтоне и Нью-Йорке был переброшен в Буэнос-Айрес. Здесь его застигла война.

Когда Эйтингон и Каридад в конце мая 1941 года вернулись поездом Харбин – Москва, я встречал их на Казанском вокзале. По поручению Берии, который принял Эйтингона и Каридад вместе со мной у себя в кабинете, я представил для ЦК партии на полутора страницах рукописный отчет о ликвидации Троцкого. Берии, видимо, это необходимо было для доклада Сталину.

Почти за год до этого в августе 1940 года, спустя два-три дня после ликвидации Троцкого, когда я также направил короткий рапорт Берии, было принято решение о том, что Эйтингон вернется домой самостоятельно. А оставшиеся деньги, которые были выделены на проведение операции, намечалось использовать для поддержания Рамона Меркадера, находившегося в тюрьме, а также для оплаты его адвокатов.

Именно тогда Сталин произнес фразу: «Мы будем награждать всех участников этого дела после возвращения домой. Что касается товарища, который привел приговор в исполнение, то высшая награда будет вручена ему после выхода из заключения. Посмотрим, какой он в действительности профессиональный революционер, как он проявит себя в это тяжелое для него время».

Досье «Утка» хранилось у меня в личном сейфе. Но после 20 августа 1940 года одновременно с докладом и рукописным рапортом все документы забрал Берия. Затем дело «Утка» вообще изъяли из оперативного пользования. Только после ареста Берии, когда прокуратура заинтересовалась телеграммами, адресованными «Тому» (Эйтингону) от имени «Павла» (псевдоним Берии), мне стало ясно, что проверке подвергаются и эти материалы. Однако на этом путешествие досье не прекратилось. Оно не вернулось в разведку, а оказалось в общем отделе ЦК КПСС, а потом в Президентском архиве.

Когда Рамон попал в тюрьму, дважды поднимался вопрос о его побеге или о досрочном освобождении. Один раз при мне в 1943 году, второй – в 1954, почти десять лет спустя. Тогда речь шла об освобождении его под залог, даже продумывали ходы насчет взятки министру юстиции Мексики. Но когда начальник внешней разведки КГБ А. Панюшкин, как рассказывал мне один из ветеранов нашей нелегальной разведки, пошел вместе с ним докладывать председателю КГБ И. Серову об этих планах, тот их выгнал, сказав при этом, чтобы к нему не приставляли со старыми сталинскими делами. Он собирался вообще закрыть это дело. Но сделать это было невозможно, поскольку оно находилось на контроле в ЦК партии и судьбой Рамона интересовалось руководство испанской компартии. По нему, во всяком случае так было при Сталине, существовала отчетность: о судьбе разведчика, находящегося в заключении, докладывалось высшему руководству.

17 июня 1941 года Эйтингон, Каридад Меркадер и я были приглашены в Кремль, но не в Свердловский зал, как обычно, а в кабинет Калинина, где он вручил нам коробочки с

орденами. Каридад и Эйтингон получили орден Ленина. Меня наградили орденом Красного Знамени. Такой орден был у меня уже вторым.

Приезд Эйтингона почти совпал с днем рождения моего старшего сына Андрея. Мы отмечали его на даче веселой компанией. Были Н. Мельников и Эйтингон с женами. На день рождения пригласили и Каридад. Она привезла нам в подарок большое китайское блюдо. При встречах и в беседах Каридад говорила о своем желании продолжить революционную борьбу. Но мы трезво оценивали ее возможности. По-прежнему в подвешенном состоянии находился вопрос о судьбе Рамона, и ее самопожертвование было для нас совершенно неприемлемым. Поселили ее в доме на Садовой улице, но чувствовала она там себя неуютно. Ее, конечно, можно было понять: хотя материально она и ее семья были обеспечены, обстановка в Советском Союзе не шла ни в какое сравнение с Западом, к которой она адаптировалась. Каридад мечтала о другой жизни. После приезда в Москву она встретилась с Долорес Ибаррури и Хосе Диасом. Была составлена большая программа ее ознакомительной поездки по Советскому Союзу, а затем отдых в Грузии.

На Рамона и его семью – на Каридад Меркадер, сестру Монсерат, братьев Хорхе и Луиса – были заведены в КГБ учетные карточки, по которым им выплачивалось денежное содержание. Для них это был единственный источник существования. С Луисом история особая. Он приехал в СССР в возрасте 15–16 лет, находился на моем личном попечении, окончил Московский энергетический институт, стал профессором. В годы войны он был в бригаде особого назначения, работал в Управлении по делам военнопленных в качестве переводчика при допросах пленных, хотя военнопленных из испанской «Голубой дивизии» было мало. Другие родственники этой большой семьи жили за границей. Хорхе попал в немецкий концлагерь и был освобожден нами в 1945 году.

Луис после смерти Рамона переехал в Испанию, где получал пенсию как участник войны, льготы и денежное содержание, связанные с профессиональной деятельностью.

Каридад была единственной из сотрудников советской разведки, которая 9 мая 1945 года, как «Клавдия», получила персональную телеграмму от Берии за подписью «Павел» с поздравлением по случаю Дня Великой Победы, в которую она и ее дети, участвуя в антифашистском сопротивлении, внесли достойный вклад. Там же сообщалось, что Хорхе освобожден из фашистского концлагеря. Деша была вручена Каридад нашим резидентом в Мексике Г. Каспаровым.

До разведки, правда, с большим опозданием, в 1995 году, дошли письма Эйтингона, которые были подшиты в досье Рамона Меркадера. Адресовались они лично Ю. Андропову, Эйтингон писал, что из-за незаслуженно предвзятого отношения к нему недостаточно оказывается внимания Рамону, этому заслуженному работнику советской разведки, который тяжело болен и нуждается в медицинской помощи и поддержке. На письме резолюция Андропова: «Встреча с работниками показала, что внимание оказывается, нет оснований беспокоиться». И тем не менее, Наум Эйтингон до последних дней своей жизни проявлял о Рамоне трогательную заботу.

Кстати, в отношении всей этой эпопеи и судьбы Эйтингона имеются очень большие неточности и расхождения в публикациях. Когда мне позвонил Дмитрий Волкогонов и попросил прояснить ряд моментов, связанных с троцкистским движением, я обратился к председателю КГБ Владимиру Крючкову. Приехавшие сотрудники КГБ сообщили, что досье Меркадера исключительно скудное, в нем нет никаких данных об оперативной разработке, о его пребывании в Мексике, связях и т. д. Как оказалось, все документы прочно осели в личных архивах председателей КГБ, ходу им не давали. Поэтому даже те, кто опекал Рамона, были знакомы с его биографией в самых общих чертах. Закрытость способствовала распространению мифов о его семье, о том, что советские органы якобы держали «в заложниках его младшего брата и сестру», которые на самом деле проживали в Париже.

Получили также распространение сплетни о якобы интимных отношениях Каридад Меркадер и Эйтингона, о том, что будто бы на этой основе Рамон принял участие в операции по ликвидации Троцкого. Я несколько раз писал Волкогонову, интересовавшемуся этим делом, по поводу вздорности измышлений, запущенных в оборот перебежчиком Н. Хохловым. Ведь мало кто знает, что Эйтингон по делам троцкистов работал за рубежом с оперативной женой, старшим оперуполномоченным ИНО Александрой Кочергиной – «Шурой». И именно она привлекла к сотрудничеству с нами Каридад. Кочергина прекрасно знала и поддерживала отношения еще во Франции с Рамоном. Каридад и «Шура» дружили семьями и в Москве в 40-е годы. Измышления об «интимных» отношениях Эйтингона с семьей Меркадеров сознательно запускались и у нас, и на Западе с целью очернить этих незаурядных людей, внесших существенный вклад не только в ликвидацию злейшего врага Советского Союза, но и в борьбу с фашизмом в трудное предвоенное время.

Надо отметить, что отношение к агенту, который честно выполнил свой долг, внимание к нему после того, как надобность в оперативном его использовании отпала – это исключительно деликатный вопрос. Мне рассказывали, как тяжело проходили встречи с Каридад Меркадер в Париже, когда в середине 50-х годов передавались деньги на поддержку ее семье. Наши оперативные работники, поддерживающие связь с семьей, зачастую были в неведении относительно всех обстоятельств, но интуитивно чувствовали, что судьба Меркадеров замыкается «на верхи». И надо отдать должное руководству КГБ в 60-е годы, оно свой долг, свои обязательства в целом выполнило. Несмотря на то, что мы с Эйтингоном в это время находились в заключении, Рамону 6 июня 1961 года была вручена Золотая Звезда Героя Советского Союза. Что же касается его трудоустройства, то, если бы не подключились товарищи из ЦК Испанской компартии, в частности, Луис Балагер и Долорес Ибарури, возможно, ситуация с ним была бы достаточно сложной. По специальному решению ЦК партии и по личному ходатайству Долорес Ибарури Меркадера приняли на работу старшим научным сотрудником Института марксизма-ленинизма при ЦК КПСС, где он вел творческую работу, связанную с историей гражданской войны в Испании.

Ко времени освобождения Рамона страницы истории гражданской войны и операций советской разведки в Испании стремились побыстрее закрыть. Интерес к испанским событиям возник лишь после 1964 года, когда стало ясно, что эра франкизма заканчивается и нужно думать о восстановлении наших позиций в этой стране. Однако именно в конце 60-х годов, как мне говорили ветераны нашей разведки, было принято решение отказаться от использования старого агентурного аппарата, контактов и связей. Причина была весомая: это история с испанским золотом и побег Орлова-Никольского, который уже давал показания в комиссии по антиамериканской деятельности. Приходилось считаться и с тем, что значительная часть агентуры, возможно, была американцами расшифрована.

Служба внешней разведки России провела в 1992–1994 годах активную операцию по публикации на Западе и у нас книги об А. Орлове-Никольском «Роковые иллюзии». В ней, он выведен как герой, противник Сталина, не выдавший врагу известную ему советскую агентуру. У меня же все это вызывает, мягко говоря, скептическую реакцию, о чем неоднократно говорил сотрудникам СВР. Какая надобность перед молодым поколением работников разведки поднимать на щит перебежчика, укравшего у нашей разведки 60 тысяч долларов, что составляет сейчас примерно около миллиона долларов США. Вообще для любой спецслужбы вне зависимости от исторических условий ее деятельности крайне вредно для воспитания молодого поколения демонстрировать сочувственное отношение к любому перебежчику, какими бы мотивами и обстоятельствами это ни объяснялось. Любая разведка непримиримо относится к таким фактам. Авторы книги утверждают, что сотрудничество Орлова с американской контрразведкой было неискренним, что он не раскрыл важнейшую агентуру – «Кембриджскую пятерку». Она действительно не была им расшифрована, но только потому, что Орлов боялся быть при-

влеченным к ответственности за использование фальшивых американских документов, которыми он пользовался, контактируя с Филби. При этом по понятным причинам он до конца отрицал свое участие в политических убийствах и терроре в Испании. Но американские-то спецслужбы, которым было все известно, закрывали на это глаза, ибо Орлов был нужен им в политической борьбе с Советским Союзом и его разведкой.

Орлов, безусловно, повел себя как предатель. В обмен на гражданство и роль консул-танта он «сдал» американским полицейским органам важных агентов советской разведки в США, которые были задействованы в 1940-е годы. Станным мне кажется изложение разговора с ним сотрудника КГБ в США в 1960-е годы. Невозможно себе представить, чтобы он говорил Орлову о моей и Эйтингона реабилитации. Во-первых, это не соответствовало действительности, во-вторых, советским разведчикам было категорически запрещено в 1953–1990 годах обсуждать судьбу Судоплатова и Эйтингона, а также их работу с кем-либо из агентов или даже эпизодических контактеров за рубежом.

Заклячая эпопею «Утка», следует, однако, сказать, что, когда американские контрразведывательные и разведывательные органы активно занялись советской агентурной сетью в Мексике, они вышли на наши позиции и контакты с лидерами испанской эмиграции. Возможно, в какой-то мере это было связано с небрежностью работы нашего агентурного аппарата. Я же считаю, что в значительной степени это обусловлено предательскими действиями перебежчиков, указавших на наиболее очевидные контакты советской разведки с испанскими республиканцами, такими деятелями, как Идальго де Сиснейросом и Х. Эрнандесом – министром республиканского правительства, одним из основателей испанской компартии, на плечи которого легли все тяжести, связанные с эмиграцией в Мексике.

До 1960 года Рамон никогда не бывал в Москве. Здесь жила в 1939–1942 годах его невеста, которая умерла от туберкулеза.

В Москве Меркадер был принят Председателем КГБ Шелепиным, вручившим ему Звезду Героя Советского Союза. Однако когда некоторое время спустя Меркадер попросил о встрече с новым руководителем КГБ В. Семичастным, ему было отказано.

Сначала Меркадер жил в гостинице «Ленинградская» возле Ленинградского вокзала, а затем получил четырехкомнатную квартиру без всякой обстановки недалеко от станции метро «Сокол». Ему и его жене предоставили государственную дачу в Кратове, под Москвой. Он получал деньги от ЦК и КГБ. В сумме это равнялось пенсии генерал-майора в отставке. Однако его отношения с КГБ оставались довольно напряженными в течение всех 60-х годов: он не переставал требовать сначала от А. Шелепина, а затем от В. Семичастного, чтобы Эйтингон и я были немедленно освобождены из тюрьмы. Он поднимал этот вопрос и перед Долорес Ибаррури, и перед М. Сусловым. Член Политбюро Суслов не был тронут этим заступничеством. Однажды в гневном раздражении по поводу того, что Меркадер обратился лично к нему, Михаил Андреевич заявил: «Мы решили для себя судьбу этих людей раз и навсегда. Не суйте нос не в свои дела».

Из тех, кто когда-то был связан с Меркадером по работе, единственным не подвергшимся репрессиям оставался Л. Василевский, хотя его и исключили из партии. Он вступился за Меркадера – и тому для его новой квартиры была предоставлена мебель. Жена Меркадера Рокелья Мендоса работала диктором в испанской редакции Московского радио. В 1963 году они усыновили двоих осиротевших детей друзей Рапана: мальчика Артура двенадцати лет и девочку Лауру шести месяцев. Их родители были друзьями Меркадера. Отец, участник гражданской войны в Испании, бежал после поражения республиканцев в Москву, а позднее, вернувшись на родину в качестве агента-нелегала, был схвачен франкистами и расстрелян. Мать умерла в Москве во время родов.

Меркадер был профессиональным революционером и гордился своей ролью в борьбе за коммунистические идеалы. Он не раскаивался в том, что убил Троцкого, и в разговоре со мной сказал:

– Если бы пришлось заново прожить сороковые годы, я сделал бы все, что сделал, но только не в сегодняшнем мире. Никому не дано выбирать время, в котором живешь.

В середине 70-х Меркадер уехал из Москвы на Кубу, где был советником у Кастро. Скончался он в 1978 году. Тело его было тайно доставлено в Москву. Вдова Меркадера пыталась связаться со мной, но в то время меня не было в Москве. На траурной церемонии присутствовал Эйтингон. Похоронили Меркадера на Кунцевском кладбище. Там он и покоится под именем Рамона Ивановича Лопеса, Героя Советского Союза.

Мне совершенно ясно, что сегодняшние моральные принципы несовместимы с жестокостью, характерной и для периода борьбы за власть, которая следует за революционным переворотом, и в период гражданской войны. Сталин и Троцкий противостояли друг другу, прибегая к преступным методам для достижения своих целей, но разница заключается в том, что в изгнании Троцкий противостоял не только Сталину, но и Советскому Союзу как таковому. Эта конфронтация была войной на уничтожение. Сталин, да и мы не могли относиться к Троцкому в изгнании просто как к автору философских сочинений. Тот был активным врагом Советского государства.

Жизнь показала, что подозрительность и ненависть Сталина и руководителей ВКП(б) к политическим перерожденцам и соперникам в борьбе за власть имели под собой реальную почву.

Решающий удар по КПСС и Советскому Союзу в 1990–1991 годах был нанесен именно группой бывших руководителей партии.

Первоначальные узкокорыстные интересы борьбы за власть маскировали заимствованными у Троцкого лозунгами «борьбы с бюрократизмом и господством партаппарата». Смертельную угрозу для сохранения режима советской власти всегда таила в себе опасность раскола правящей партии.

Сын Троцкого, Лев Седов (в оперативной разработке «Сынок»), носивший фамилию матери, находился под нашим постоянным наблюдением. Он являлся главным организатором троцкистского движения в Европе после того, как в 1933 году приехал в Париж из Турции. Мы располагали в Париже двумя независимыми друг от друга агентурными выходами на него. В одной ведущую роль играл М. Зборовский (подпольная кличка «Этьен», он же «Тюльпан»). О нем подробно написал Волкогонов. Другую возглавлял Серебрянский. Зборовский навел нас на след архивов Троцкого, а Серебрянский, используя полученную информацию, захватил эти архивы, спрятанные в Париже, и тайно доставил их в Москву. Он сделал это при помощи своего агента «Гарри», находившегося в Париже, и агента, работавшего во французской полиции.

В книге «Троцкий» Волкогонов утверждает, будто архивы были вывезены Зборовским, тогда как на самом деле тот даже понятия не имел, как была использована добытая им информация. Волкогонов также пишет, что Зборовский помог убить Седова, находившегося в то время во французской больнице. Сын Троцкого, как известно, действительно скончался в феврале 1938 года при весьма загадочных обстоятельствах, после операции аппендицита. Доподлинно известно лишь то, что «Сынок» умер в Париже, но ни в его досье, ни в материалах по троцкистскому интернационалу я не нашел никаких свидетельств, что это было убийство. Если бы Седова убили, то кто-то должен был бы получить правительственную награду или мог на нее претендовать. В то время, о котором идет речь, было много обвинений в адрес разведслужбы, которая якобы приписывала себе несуществующие лавры за устранение видных троцкистов, однако никаких подробностей или примеров при этом не приводилось. Принято считать, что Седов пал жертвой операции, проводившейся НКВД. Между тем С. Шпигельглаз,

докладывая наркому Н. Ежову о кончине Седова в Париже, упомянул лишь о естественной причине его смерти. Ежов, правда, комментировал сообщение словами: «Хорошая операция! Неплохо поработали, а?» Шпигельглаз не собирался спорить с наркомом, который постарался приписать заслугу «убийства» Седова своему ведомству и лично доложил об этом Сталину. Это способствовало тому, что НКВД стали считать ответственным за смерть Седова.

Когда мы с Эйтингоном обсуждали у Берии план ликвидации Троцкого, об устранении его сына ни разу не упоминалось. Легко предположить, конечно, что Седов был убит, но лично я не склонен этому верить. И причина тут самая простая. Троцкий безоговорочно доверял сыну, поэтому за ним велось плотное наблюдение с нашей стороны, и это давало возможность получать информацию о планах троцкистов по засылке агентов и пропагандистских материалов в Советский Союз через Европу. Его уничтожение привело бы к потере нами контроля за информацией о троцкистских операциях в Европе.

После ликвидации Троцкого часть агентуры, завербованной Эйтингоном, и другие привлеченные к его сети лица, действовавшие в Соединенных Штатах и Мексике, были законсервированы, и их использование могло быть осуществлено только с санкции Берии. Эта расширенная сеть агентуры впоследствии сыграла важную роль в выходе на круги ученых, работавших над американской атомной бомбой. Наши нелегалы с фальшивыми документами, не занимавшие никаких официальных должностей, обосновались в США еще в конце 20-х и начале 30-х годов. Их главной задачей было поступить на такую работу, где можно иметь доступ к научно-технической информации и военно-стратегическим перевозкам на случай войны с Японией.

Документы и отчеты по ликвидации Троцкого до сих пор хранятся в Президентском архиве и в личных архивах фондов Андропова и Берии. Часть этих бумаг вернули в разведку лишь в 1996 году.

В конце 20-х – начале 30-х годов Эйтингон и Серебрянский были посланы в Соединенные Штаты для вербовки китайских и японских эмигрантов, которые могли нам пригодиться в военных и диверсионных операциях против Японии. К этому времени японцы успели захватить центральные и северные районы Китая и Маньчжурию, и мы опасались предстоявшей войны с Японией.

Эйтингон также должен был дать оценку потенциальным возможностям американских коммунистов в интересах нашей разведки. По его весьма дельному предложению, не следовало вербовать агентов из членов компартии, а имело смысл сконцентрировать внимание на тех, кто, не будучи в ее рядах, выражал сочувствие коммунистическим идеям.

Эйтингон действовал параллельно с А. Ахмеровым, который, несмотря на серьезные возражения Эйтингона, все-таки женился на племяннице Эрла Браудера, основателя американской компартии. Операции в Соединенных Штатах и создание там сети нелегалов не входили в число важнейших целей Кремля, поскольку в то время получение разведывательных данных из Нового Света не влияло на принимаемые Москвой решения. Эйтингон, однако, поручил нескольким своим агентам следить за американской политикой в отношении Китая. Ему, в частности, удалось найти журналистов из журнала «Амерэйша», которые впоследствии сформировали лобби, влиявшее на американскую линию дипломатии в Азии.

Одним из завербованных Эйтингоном агентов был весьма известный японский живописец Мияги, позднее вошедший в группу Рихарда Зорге в Японии. Эйтингон и мой хороший друг Иван Винаров (советник по разведке при Георгии Димитрове в 40-х годах) вступили в контакт с Зорге в Шанхае в конце 20-х годов. Информация Зорге рассматривалась как довольно ценная на протяжении всех 30-х годов, правда, с оговоркой, что и немцы, и японцы считают его двойным агентом. Наш агент Вальтер Стеннес («Друг») – политический советник Германии при штабе Чан Кайши – часто встречался с Зорге в 1939–1941 годах. Он отмечал его широкую осведомленность об обстановке на Дальнем Востоке, не догадываясь о работе

Зорге на Разведуправление Красной Армии, и подчеркивал прочные, солидные связи Зорге с немецкой военной разведкой.

В 1932 году Эйтингон покинул Калифорнию и возвратился в Советский Союз через Шанхай. Его назначили заместителем Серебрянского, но они не сработались, и Эйтингон перешел на руководящую работу в Иностранный отдел ОГПУ.

Во время обострения международной обстановки накануне вступления в войну Америки разведывательную работу по линии НКВД на Восточном побережье США возглавлял Г Хейфец («Харон»). Ранее он работал в Коминтерне. Его отец являлся одним из организаторов американской компартии. Хейфец лично знал многих видных американских коммунистов. Учитывая коминтерновский опыт, его направили в начале 30-х годов на работу в разведку НКВД. Он организовал нелегальные группы в Германии и Италии в середине 30-х годов, выступая в роли индийского студента, обучающегося в Европе. На самом деле Хейфец был евреем, но из-за своей смуглой кожи выглядел как настоящий эмигрант из Азии, несмотря на голубые глаза. В Соединенных Штатах в левых кругах он был известен как господин Браун.

Находясь до этого в Италии, Хейфец познакомился с молодым Бруно Понтекорво, тогда студентом, учившимся в Риме. Хейфец рекомендовал Понтекорво связаться с Фредериком Жолио-Кюри, выдающимся французским физиком, близким к руководству компартии Франции. В дальнейшем именно Понтекорво стал тем каналом, через который к нам поступали американские атомные секреты от Энрико Ферми.

Хейфецу повезло: в 30-х годах он не был репрессирован. Его отозвали в Москву, и хотя в ноябре 1938 года Ежов дал указание о его аресте, оно не было выполнено. Вскоре Хейфеца направили в Соединенные Штаты, на Западное побережье, для активизации разведывательной работы.

Перед Хейфецом была поставлена задача установления прочных связей с агентурой «глубокого оседания», созданной Эйтингоном для использования в случае войны между Советским Союзом и Японией. Первоначальный план заключался в том, чтобы создать сеть нелегалов в американских портах по примеру Скандинавии для уничтожения судов со стратегическим сырьем и топливом для Японии. Не зная о японских намерениях атаковать Юго-Восточную Азию или Пёрл-Харбор, мы предполагали, что они сначала начнут военные действия против нас.

Помощнику Хейфеца в консульстве Сан-Франциско Виктору Лягину, инженеру, выпускнику Ленинградского судостроительного института, было дано специальное задание получить данные о технологических новинках на предприятиях Западного побережья. Основная задача, поставленная перед ним, – сбор материалов по американским военно-морским судостроительным программам.

Я помню одно из его донесений. В нем говорилось о большом интересе, который проявлялся американцами к программе строительства авианосцев. Лягину также удалось завербовать агента в Сан-Франциско, давшего нам описание устройств, разрабатывавшихся для защиты судов от магнитных мин.

Чтобы не вызывать подозрений, Лягин воздерживался от любых контактов с американскими прокоммунистическими кругами. Однако в Сан-Франциско он проработал недолго. Виктор («Форт») был послан нами в качестве резидента-нелегала на немецкую военно-морскую базу в Николаев на Черном море. Ему удалось провести ряд диверсий на базе. Гестапо в конце концов захватило его и радиста группы. Лягин отказался бежать из тюрьмы, так как не мог оставить арестованного вместе с ним раненого радиста. Они были расстреляны. В 1944 году ему посмертно присвоено звание Героя Советского Союза.

Оставшемуся в Сан-Франциско Хейфецу удалось, получив ориентировку от Эйтингона, выйти на внедренных им ранее двух агентов «глубокого оседания» – польских евреев, которых ему удалось привезти в США из Франции. Оба они вели обычную, неприметную жизнь

рядовых американцев: один – зубного врача, другой – владельца предприятия розничной торговли. Врач-стоматолог, известный лично Серебрянскому, в свое время получил от нас деньги, чтобы окончить медицинский колледж во Франции и стать дипломированным специалистом. Оба этих человека были внедрены на случай, если бы их услуги понадобились нам, будь то через год или через десять лет. Потребность в них возникла в 1941–1942 годах, когда эти люди неожиданно оказались близки к коммунистически настроенным членам семьи Роберта Оппенгеймера – главного создателя американской атомной бомбы.

Разделение спецслужб

В феврале 1941 года произошло разделение НКВД на Наркомат госбезопасности и Наркомат внутренних дел. Военная контрразведка тогда же была передана в подчинение Наркомата обороны. Это событие можно считать знаковым. Видимо, у Сталина, как мне представляется, созрело решение о разделении функций спецслужб с целью выведения их из-под контроля одного человека – Берии и непосредственного подчинения лично себе разных аспектов деятельности в области госбезопасности и охраны правопорядка.

Что лежало в основе того, что военная контрразведка стала специальным органом, который был придан Наркому обороны? Насколько мне известно (мне говорил об этом В. Меркулов), главной причиной такого решения было то, что К. Ворошилов – нарком обороны – мало получал документов непосредственно о реальной боеготовности войск, о реальном положении дел в округах. Почему? Да потому, что главными потребителями информации были ЦК ВКП(б) и управление кадров Наркомата обороны. Причем их интересовала довольно своеобразная информация – наличие компрометирующих материалов и данных проверок руководящего состава офицерского корпуса. Как ни странно, информацией о боеготовности в округах, их мобилизационной готовности, о реальном состоянии дел в Красной Армии больше интересовался не Ворошилов, а Сталин и Молотов как Председатель Совета Народных Комиссаров.

В сентябре 1936 года НКВД возглавлял Ежов, секретарь ЦК, кандидат в члены Политбюро. Свои доклады Ежов и его предшественник Ягода строили как переписку со Сталиным. Административная цепочка доведения до наркома обороны информации, проверенной через агентуру, о фактической боеготовности войск автоматически удлинялась. Когда Берия стал наркомом, порядок не изменился. Берия тоже был кандидатом в члены Политбюро. И опять-таки переписка по этим вопросам, даже доклады по боеготовности и т. д., представлялись прежде всего Сталину и Молотову и только во вторую очередь доходили до наркома обороны Ворошилова.

Только Сталин, а позднее Хрущев и Брежнев лично принимали решение, следует ли рассылать поступающую к ним от органов госбезопасности информацию «вкруговую» среди других членов Политбюро. Кроме того, в перечне докладов, которые направлялись НКВД «наверх», вопросы боеготовности Красной Армии не стояли как приоритетные. После неудач в зимней войне с Финляндией руководство страны искало наиболее рациональные варианты того, чтобы подкрепить деятельность Наркомата обороны необходимой оперативной информацией.

Но, думается, тут дело в другом. Было принято половинчатое решение – фактически о двойном подчинении органов военной контрразведки. Во-первых, они подчинялись непосредственно наркому обороны, минуя Генштаб, то есть это был канал информации о реальном положении дел, в том числе в Наркомате и в Генштабе. Во-вторых, существовал так называемый межведомственный совет, который регулировал взаимодействие военной контрразведки с другими органами безопасности – с территориальными и центральным аппаратом. Совет подчинялся наркому безопасности.

Военная контрразведка (3-е Управление) НКО сама по себе работать самостоятельно не могла. Почему? У нее не было своих следственных изоляторов и оперативно-технической поддержки. Для успешной работы она должна была заимствовать подразделения наружного наблюдения, оперативного и слухового контроля у НКГБ. Она имела весьма и весьма ограниченную базу. Вместе с тем выделение военной контрразведки вскрыло необходимость дополнительных инструкций, нормативных актов о порядке взаимодействия всех оперативных служб органов госбезопасности. К сожалению, сделать это до войны не удалось. Организационные изменения в структуре органов госбезопасности, если они предварительно не прорабо-

таны в плане оперативного взаимодействия отдельных служб, пагубно сказываются на эффективности работы разведки и контрразведки.

Однако выделение военной контрразведки из НКВД накануне войны было кратковременным – с февраля по июль 1941 года. Но и этого времени оказалось достаточно, чтобы можно было понять, что такого рода реорганизация пагубно отразилась на выполнении военной контрразведкой ее функции и взаимодействии с внешнеполитической и военной разведкой.

Мне как руководящему работнику не помнится, чтобы военная контрразведка, будучи подчиненной наркому обороны С. Тимошенко, ставила какие-либо принципиальные вопросы перед ним, за исключением вопросов кадровой проверки. Между тем поступавшие руководству страны данные о том, что происходило в округах, об изменениях штатного расписания Красной Армии, ее пополнении, о развертывании дополнительных армий, реорганизации механизированных корпусов, строительстве аэродромов, хранении боеприпасов, нуждались в тщательной агентурной проверке. К сожалению, это делалось лишь эпизодически.

И руководство страны – Сталин, Молотов, да и сам нарком обороны – не имело реальной информации о боеготовности войск приграничных округов.

Самая, пожалуй, трагичная глава в этой части истории связана с особыми отделами Красной Армии. Оглядываясь назад, можно предъявить огромные претензии военной контрразведке. До сих пор белым пятном остается роль материалов военной контрразведки в проведении тех репрессий, которые впоследствии были признаны необоснованными и преступными по отношению к руководящему составу армии непосредственно перед войной и в самом ее начале.

Надо, однако, сказать, что те материалы, в которых шла речь о боеготовности Военно-Воздушных Сил, об авариях самолетов, использовались только при вынесении взысканий руководству ВВС, не только для смещения должностных лиц, но и для обвинений политического характера, обвинений во вредительстве в ВВС Красной Армии. В какой степени эти материалы были связаны с соперничеством в среде командиров Красной Армии, сказать трудно, поскольку прошло очень много времени. Известно, например, что Г. Жуков, находясь в подчинении у Г. Штерна в 1939 году, был в неприязненных с ним отношениях. Формальным поводом для ареста и расстрелов командования ВВС и ПВО Я. Смушкевича, Г. Штерна, П. Рычагова и других руководящих работников Главного артиллерийского управления Красной Армии были претензии к ним со стороны руководства Наркомата обороны.

Новые приоритеты

Что собой представлял фон, на котором весной 1939 года резко активизировалась деятельность советской разведки? Из-за закрытости общества все попытки разведывательной работы против нас Германии, Англии, Польши с использованием национальных кадров – поляков, немцев и других иностранцев и членов их семей – находились под неослабным наблюдением советских органов безопасности. Почему мне хотелось выделить – и правомерно – 1939 год, важный год кануна войны и важный год перестройки в работе органов безопасности? Именно в этом году страна вступила в явный предвоенный период, и перед разведывательными и контрразведывательными органами были впервые поставлены новые активные задачи.

Из беседы, состоявшейся в кабинете Сталина весной 1939 года, во время которой шла речь о необходимости развертывания операции «Утка» – по ликвидации Троцкого, Сталин говорил и об изменении в приоритетах работы в целом. С чем были связаны эти изменения? Тут есть смысл вспомнить миф о том, что назначение Молотова народным комиссаром иностранных дел означало якобы «переворот» во внешнеполитической ориентации советского руководства, которая означала переход от попытки противодействовать германской агрессии к сговору с Гитлером. В частности, некоторые другие публицисты во время так называемой перестройки в 1988–1991 годах безосновательно писали о том, что Литвинов последовательно противился этой линии и был сторонником сохранения сотрудничества с ведущими западными державами, которые должны якобы быть нашими партнерами по обеспечению безопасности в Европе. Но все было несколько иначе. В январе 1939 года, когда наша резидентура фактически прекратила работу в Германии, оттуда поступили сигналы о том, что в немецком руководстве имеются влиятельные сторонники развития нормальных отношений с СССР, что, несмотря на глубокие идеологические разногласия и расхождения, советско-германское сотрудничество возможно. Кстати, подобные высказывания, например, влиятельного промышленника Шахта были известны в Кремле и Литвинову еще в 1935 году. Мне представляется, что обстановка того времени предполагала взаимное маневрирование всех крупных держав мира, а также взаимное прощупывание позиций в предстоящей схватке за передел мира.

Много путаницы в оценке зондажных бесед, подходов друг к другу политиков и видных дипломатов, разговоров того времени. В связи с этим вспоминается новогодний прием 1939 года в Берлине. Тогда Гитлер оказал определенные знаки внимания советской стороне. Беседуя с нашим послом Мерикаловым, он дал понять, что немецкая сторона отнюдь не блокирует какое-либо экономическое сотрудничество с Советским Союзом, она готова обсуждать даже политические вопросы отношений между странами и будущее Европы.

Затем уже весной 1939 года с довольно откровенным прощупыванием возможностей урегулирования разногласий между СССР и Германией выступили авторитетные немецкие деятели. Некоторые историки считают, что в этом велика роль чиновников немецкого МИД, в частности заведующего экономическим департаментом Шнурре. Но при этом недооценивают роль бывшего немецкого канцлера фон Папена, назначенного Гитлером послом в Турцию. Именно он впервые выступил с программой урегулирования советско-германских отношений в апреле— мае 1939 года, и это было предметом соответствующих докладов наверх, в том числе породило специальный запрос в НКВД о том, какую роль играет фон Папен в формировании немецкой политики и выражении мыслей правящих кругов Германии.

Фон Папен выступил с широкой программой германосоветского сотрудничества, построенного на базе долгосрочных интересов. В их основе лежало, по его мнению, противодействие англо-французскому диктату в Европе. Сама по себе эта информация, пришедшая из Германии и Турции, заслуживала самого пристального внимания.

Фон Папен, несомненно, действовал по поручению Гитлера. Немцы не случайно избрали Турцию местом зондажных бесед. Вплоть до 1938 года турецкие руководители брали на себя выполнение ряда деликатных поручений советского руководства по выяснению важных для Кремля намерений руководителей стран Запада в отношении Советского Союза. Через Турцию мы провели ряд важных внешнеторговых операций на Западе, в которых нам нежелательно было «засвечиваться» напрямую. Немцы, имея сильные позиции в Турции, несомненно, об этом знали. И хотя наши отношения с Турцией с 1938 года стали ухудшаться, немцы предпочли именно в этой стране через своего авторитетного представителя предпринять в отношении нас первые зондажные шаги по установлению доверительного обмена мнениями.

Нельзя представлять себе ситуацию таким образом, что Советское правительство с весны 1939 года ориентировалось на соглашение с Гитлером против Англии и Франции в той обстановке, которая складывалась в Европе. Ситуация была совершенно иной. Наша дипломатия и разведка в глубокой тайне действовали на два фронта. Сейчас на фоне распространения всяких версий о политике Сталина накануне войны упускается из виду главное. Для СССР участие в военном конфликте, вспыхнувшем в Европе в 1939 году, было неприемлемо. И не потому, что мы боялись Гитлера или англо-французов. Военное столкновение было исключительно опасным для нас, если бы Запад выступил против СССР сплоченным.

Как начальник подразделения не только в годы войны, руководивший разведывательно-диверсионной работой, но уже и после войны возглавлявший аппарат, который был создан специально для действий в особый период, могу со всей ответственностью утверждать, что советское руководство всегда ставило перед собой цель не допустить втягивания страны в крупный военный конфликт с ведущими капиталистическими странами. При этом главной проблемой было не переступить опасную грань «большой войны», когда могло иметь место перерастание локальных конфликтов и наших операций по дестабилизации обстановки в ряде важных для капиталистического мира районах в масштабные военные действия. Такая опасность существовала в ходе операций в Западной Украине, Польше, Финляндии и Молдавии в 1939–1940 годах, в Иране в 1946 году, в Корее и Маньчжурии в 1950–1953 годах.

Советская военная и политическая разведка, начиная с 30-х годов, поддерживая антианглийские, антияпонские и антигерманские силы на Балканах и Дальнем Востоке, решала важную задачу по отвлечению внимания от Советского Союза, что заставляло правящие круги Запада ввязываться в затяжные локальные конфликты. Это не позволяло Англии, США, Японии бросить против нас все свои ресурсы и резервы. Сталин никогда не был теоретиком и организатором мировой революции. Наоборот, наша поддержка революционного движения в капиталистических и колониальных странах целиком строилась на геополитических соображениях укрепления позиций Советского Союза как ведущей мировой державы. Иными словами, советская дипломатия и разведка в 30–40-е годы должны были успешно решить исключительно трудную задачу – использовать во благо страны страх правящих кругов Запада перед военной опасностью в Европе и на Дальнем Востоке вследствие агрессивной политики Гитлера и Японии.

Три направления

Мало кто знает о попытке Сталина и Молотова создать три «буферные зоны» отношений с капиталистическим миром. Советская разведка и дипломатия действовали по трем направлениям ведения тайных переговоров о разделе сфер влияния и противодействию агрессии Германии и Японии – в Центральной Европе, Скандинавии и Китае.

В Финляндии мы активно поддерживали политические партии, в частности мелких хозяев, которые выступали за то, чтобы Финляндия и Швеция стали посредниками между странами Запада и Советским Союзом в открытии постоянного коридора для поставок советского сырья в Европу. Наш посол в Швеции А. Коллонтай неоднократно высказывалась в доверительных беседах о необходимости установления особых отношений между СССР и Скандинавией. В обмен на гарантированный благожелательный нейтралитет наша страна была готова предоставить серьезные экономические льготы для Швеции и Финляндии, включая даже право реэкспорта древесины, нефтепродуктов из СССР в третьи страны.

Кроме каналов Иностранного отдела НКВД, имевшего сильные агентурные позиции в Скандинавии, не было иной возможности выйти на неофициальные и неформальные переговоры с финским руководством. Знаменательно, что резидент в Финляндии Б. Ярцев-Рыбкин (Кин) вел секретные переговоры с финским руководством в тайне от советского посла в Финляндии Деревянко, который после их неудачного завершения о зондажных выходах на финнов вместе с наркомом иностранных дел Литвиновым был поставлен об этом в известность.

Другое направление – чехословацкое. Первый координатор деятельности советских спецслужб М. Розенберг, используя свои доверительные отношения с крупнейшим и авторитетным публицистом Западной Европы Женевьевой Табуи, добился серьезнейшего перелома в советско-французских отношениях – подписания в 1935 году в Париже советско-французского соглашения о сотрудничестве и взаимопомощи. Однако широкой общественности до сих пор неизвестно, что локомотивом этого соглашения выступил президент Чехословакии Э. Бенеш. Именно Чехословакия выступила инициатором вступления СССР в Лигу Наций.

Мы нашли особые подходы и плодотворно сотрудничали с президентом Бенешем. Сейчас многие пишут и существует масса иллюзий и мифов о том, что Бенеш поддался на немецкую уловку о заговоре в Красной Армии против Сталина, предупреждал Кремль о «предательстве» Тухачевского и будто бы вошел в контакты с Ежовым для этого. Упускается из виду, что господину Бенешу не было смысла входить в тайные переговоры со Сталиным в 1937 году, ибо еще в 1935 году было подписано беспрецедентное секретное соглашение о сотрудничестве разведок Чехословакии и Советского Союза и о совместном осуществлении ряда внешнеполитических акций и обмене информацией в связи с возрастанием военной опасности в Европе.

Конкретно это сотрудничество привело к тому, что нам удалось использовать чешские каналы для поставок оружия республиканской Испании, через чехословацкого представителя Розенберг договорился о том, чтобы чехи поставили вопрос о нашем вступлении в Лигу Наций. Советско-французское соглашение с П. Лавалем было подписано в противовес Германии, усилению влияния Гитлера. В планы Бенеша входило в опоре на советско-французское соглашение укрепить позиции Балканских стран в противостоянии Гитлеру.

Наша разведка проводила специальные мероприятия по проверке лояльности Бенеша. Ближайшему окружению Бенеша, завербованному НКВД, Людмиле Каспариковой и Яромиру Смутному был устроен побег из Чехословакии. Для этого были выделены деньги, при этом мы вывезли из Праги в Москву значительную часть чехословацкого архива и специальной переписки, в том числе об особых отношениях Бенеша с руководителями Запада.

После того как немцы оккупировали Чехословакию, Бенеш бежал первоначально в Америку, затем в Англию. Советский посол в США Уманский по указанию Москвы принимал

Бенеша и вел с ним доверительные беседы, потому что в условиях временного свертывания нашей разведывательной работы в Вашингтоне в 1939 году по указанию Москвы он взял на себя выполнение ряда функций главного резидента НКВД в Америке. На должность посла его назначили после успешной работы как корреспондента ТАСС и в отделе печати НКВД. Уманского я хорошо знал лично. Его часто можно было встретить в 1941–1942 годах в коридоре 7-го этажа здания НКВД на Лубянке, где размещалось Разведывательное управление, и в приемной Берии и Меркулова. Это был очень способный, эрудированный человек, значение которого прекрасно понимало американское правительство, некоторые представители которого позволяли себе вести с ним неофициальные беседы. Любопытно, когда министр финансов США Моргантау принимал его, то удалял стенографисток и переводчиков, и обсуждение деликатных вопросов совместного американо-советского противодействия японской агрессии в Китае в 1939–1941 годах шло один на один.

Уманский не только беседовал с Бенешем в США, но и докладывал об этом сразу в две инстанции – в Наркомат иностранных дел и НКВД. Какие же вопросы они обсуждали? Речь прежде всего шла о будущем Европы. Бенеш выражал благодарность за нашу позицию, потому как мы не признали оккупацию немцами Чехословакии. Бенеш просил неофициально подтвердить, получена ли чехословацкая переписка и архив советской стороной. Он также ставил вопросы о будущей роли Чехословакии в надвигающейся войне, говорил и о чехословацкой армии, которая будет участвовать в войне, о том, что она будет формироваться в Англии. Заметьте, все это говорилось еще до того, как началась война, до того, как немцы предъявили свой ультиматум Польше. Бенеш говорил также о необходимости сохранения «инострannого легиона Чехословацкой армии», который будет находиться в Польше или в СССР. Война еще не началась, а ему уже было ясно, что она будет обязательно между Германией и Советским Союзом. В качестве союзников, считал он, выступят США и Англия. Он говорил и о Восточном фронте, о том, что там будут развернуты две – три чехословацких дивизии. Знаменитый Людвиг Свобода, тогда еще никому не известный подполковник, вместе с чехословацким легионом был отправлен в Польшу, где его интернировали поляки. Легион держался на всякий случай. Когда советские войска заняли Польшу, чехословацкий легион оказался интернированным, и мы единственно что сделали – разоружили его. Никаким репрессиям никто подвергнут не был.

Со Свободой непосредственно работал начальник отделения контрразведывательного управления НКВД М. Маклярский. Свободу поселили на даче НКВД и держали в особом резерве. Держали не потому, что к нему был какой-то особый интерес, а потому, что он был человеком Бенеша, а к людям Бенеша относились по указанию Сталина с очень большим вниманием и тактом.

Потом плодотворное сотрудничество, активный обмен разведывательной информацией осуществлялись нами с полковником, позднее генералом, Моравцем, начальником чешской разведки. Но не как с завербованным агентом, а как с человеком, целиком выполнявшим приказание и поручения Бенеша.

До сих пор история тайных советско-чешских отношений продолжает скрываться, хотя в этом нет ничего секретного, если смотреть на вещи трезво после распада СССР и краха социализма в Чехословакии. Возможно, открытие архивов невыгодно только для тех, кто идеализирует и превозносит Бенеша, Масарика и других деятелей либерально-демократической Чехословакии. Обнажение их тайных связей с советским руководством в реализации целей советской внешней политики подтверждает очевидную истину. Малые страны Европы обязательно попадают в чью-либо сферу влияния и активно стремятся использовать свое положение посредника в больших политических играх, но только с выгодой для себя вне зависимости от идеологических симпатий.

Среди советских дипломатов предвоенной поры К. Уманский был сравнительно молодым выдвиженцем. Ранее важные зондажные поручения выполняли дипломаты первого поколения – Я. Суриц, Б. Штейн, И. Майский. Зарубежных представительств СССР было сравнительно немного, и значение советского посла за границей, его полномочия были неизмеримо шире, нежели те, которые давались нашим дипломатам высокого ранга во время войны, не говоря уже о послевоенном периоде. На ключевых направлениях, там, где необходимо было вести зондаж, были расставлены не профессиональные дипломаты, а представители разведки НКВД или тесно связанные с ней лица, такие, например, как Уманский в США, комкор Красной Армии Луганец-Орельский и пришедший ему на смену в 1939 году посол-резидент НКВД А. Панюшкин в Китае.

Туда, где речь шла о временном замораживании отношений, а не о проработке каких-то вопросов, посылались люди, не имевшие никакого дипломатического опыта. Взять хотя бы ситуацию с руководством нашего посольства в Германии в 1939 году, когда Мерикалов, простой директор завода, оказался в роли посла в Германии. Судьба Мерикалова уникальна. Он закончил свою жизнь директором завода, так и не опубликовав своих воспоминаний об интереснейшем периоде своей жизни в 1939 году.

Чем связаны были дипломатия и разведка? Их взаимодействие характеризуется, по моему мнению, двумя этапами. До 1939 года можно говорить об особом периоде советской внешней политики и разведывательной деятельности, обусловленном в значительной мере внешнеполитической изоляцией Советского Союза. Это не являлось только следствием политики западных держав. Англия, Франция, Германия, США, Италия, Япония блокировали Советский Союз, стремясь лишить нас возможности использовать международные экономические связи для создания промышленности за счет вырученных средств от продажи сырья на мировом рынке. Но изоляция нас от мира была обусловлена также нашей сознательной линией на сохранение закрытости советского общества.

Провозглашенный Лениным в Генуе новый курс на отказ от выплаты царских долгов важно понять с точки зрения добровольного отказа от внешнеэкономического сотрудничества с враждебными СССР мощными экономическими группировками Запада. Руководство Советского Союза в 20—30-е годы опасалось, что широкие экономические связи с капиталистическим миром в сочетании с наличием в СССР сильной антисоциалистической оппозиции, остатков белого движения и обострением борьбы за власть в верхних эшелонах партии таят в себе громадную потенциальную угрозу для Советского государства. Разведка и дипломатия ориентировались лишь на «локальные» прорывы в обеспечении экономических связей СССР не со всеми странами Запада, а с теми государствами, которые активно конфликтовали с главными державами капиталистического мира или играли в нем подчиненную роль недавно проигравших войну государств. Хорошие экономические отношения складывались у нас с Германией и Турцией.

Прежде всего разведка нацеливалась на использование раскола среди держав Запада и противоречий, которые существовали между ними. В условиях внешней политической изоляции рассчитывали мы и на активную дипломатическую деятельность, настойчиво добивались признания со стороны ведущих стран Запада. Важное значение в этой связи придавалось работе разведки и сотрудничавших с ней дипломатов по выяснению предварительных условий дипломатического признания СССР. Этот период завершился к началу 1939 года.

Угроза войны ставила Советский Союз в исключительное положение. Отсюда суть нашей позиции – поддержка Афганистана, Турции, наше участие в гражданской войне в Испании и т. д. Мы прощупывали, расшатывали слабые звенья в капиталистической системе. Но никогда не позволяли себе напрямую ввязаться в военный конфликт, который бы выходил за рамки локального. Руководство страны решало прежде всего внутренние задачи экономического и политического характера.

Молотов, Вышинский, Потемкин, с одной стороны, Берия и Меркулов – с другой, стояли непосредственно у руля дипломатии и разведки тогда, когда Советский Союз, подписав известный пакт о ненападении с Германией и секретные протоколы к нему, превратился в крупнейшую мировую державу, чьи действия с 1939 года на международной арене предопределили исход Второй мировой войны и весь характер мирового развития в 40— 50-е годы. Эти два этапа советской политики за рубежом и людей, которые оказались причастны к ней, следует оценивать трезво.

Глава 2. Советско-германский пакт о ненападении

Кто первым протянул руку?

Бытует мнение, что Советско-германский пакт о ненападении якобы был обусловлен жестом Сталина, который выразился в смене Литвинова Молотовым в качестве наркома иностранных дел. Ходили и такие слухи, будто бы родственник Сталина Канделаки, работавший в нашем торгпредстве в Берлине, еще в 1935–1937 годах зондировал с гитлеровским руководством возможность нормализации советско-германских отношений. И на этой основе поддерживались неофициальные связи в области экономического сотрудничества и поиска общих интересов в сферах международной политики с Германией.

Очень часто этот пакт о ненападении изображают, абстрагировавшись от его значения. При этом не берется во внимание неизбежность урегулирования спорных вопросов передела мира, конфликтных ситуаций в международных отношениях в конце 30-х годов, не учитываются нюансы, связанные с моральными аспектами в практике международных отношений.

Но хотелось бы напомнить слова Черчилля о том, что в «истории дипломатических отношений западных держав, увлеченных западной демократией, легко проступает список сплошных преступлений, безумств и несчастий человечества... после самых тщательных поисков мы вряд ли найдем что-либо подобное такому внезапному и полному отказу от проводившейся пять или шесть лет политики благодушного умиротворения и выражению готовности пойти на явно неизбежную войну в гораздо худших условиях, в самых больших масштабах».

Я не собираюсь вдаваться во всю предысторию этих отношений, потому что в нашей литературе, особенно об истории разведки и дипломатии, все это довольно подробно описано. Но хотелось бы обратить внимание на следующее. Весной 1939 года (тогда я стал одним из руководителей внешней разведки органов безопасности) начался тот самый период, когда четко обозначился поворот всех ведущих держав мира в сторону определения своей позиции (взаимные договоренности, заключение тайных, открытых, любого вида сделок) в связи с войной, неизбежность которой была предрешена.

Американские, английские и советские правящие круги, используя свои разведывательные и дипломатические каналы, были наиболее осведомленными в сфере секретных контактов, которые завершились подписанием Пакта о ненападении между Германией и СССР 23 августа 1939 года и началом 1 сентября 1939 года Второй мировой войны.

Немцы имели сильные выходы на правящие круги США, Франции, Англии, но не понимали секретных пружин американской и английской политики. Это происходило потому, что, по нашим агентурным данным, Гитлер переоценивал связи, которые у него были в окружении премьер-министра Англии Н. Чемберлена.

Успех Мюнхенского соглашения, решившего судьбу Чехословакии, вскружил ему голову. Он считал, что молчаливое согласие англичан по поводу оккупации и расчленения Чехословакии в марте 1939 года предопределяет их невмешательство в предстоящую войну, поэтому, недолго думая, заявил о своих претензиях к Польше. Таким образом, традиционная линия в английской внешней политике – умиротворить Гитлера и направить его на Восток, была нарушена.

Упускается, однако, из виду, что тогда Гитлером еще не были определены сроки развязывания войны. Как следовало из наших агентурных материалов, 25 марта 1939 года он склонялся к тому, что возможно решение конфликта с Польшей мирным путем, но 29 марта его карты были спутаны, потому что Англия, проглотив заявление о занятии Чехословакии, неожиданно выступила с инициативой предоставления гарантий Польше. Сразу же у тех, кто

был у руля европейской внешней политики, возник вопрос: чего будут стоить эти гарантии, и именно после этого начинался известный раунд советско-англо-французских консультаций.

Информация, полученная от «Наследника», очень надежного источника, помимо «Кембриджской пятерки», а также материалы, предоставленные небезызвестным банкиром Виктором Ротшильдом, проходившим в нашей оперативной переписке под псевдонимом «Джек», подтверждали, что советско-германский пакт о ненападении не стал сдерживающим фактором для Англии и Франции, на что рассчитывал Гитлер.

Было очевидно, что, несмотря на существующее прогерманское влияние в английских правящих кругах, Англия не пойдет на компромисс в отношении Польши, а значит, ввяжется в войну. Пакт же с СССР для Гитлера являлся передышкой. Что же касается Польши, то он, опираясь на реальные боевые возможности вермахта, рассчитывал на молниеносный ее разгром.

Феномен «странной войны», которая развернулась на Западе с 3 сентября 1939 по май 1940 года, был не чем иным, как успешной реализацией немцами плана предотвращения полномасштабной войны на два фронта, поскольку германские вооруженные силы не были к этому готовы. Этим и объясняется линия Гитлера на мирные экономические отношения с Россией.

Очень часто Сталину приписывают инициативу договориться с Гитлером. На самом же деле Гитлер первым начал прощупывать позицию Советского Союза еще весной 1939 года, когда внешнеполитическое ведомство возглавлял М. Литвинов. В этой связи следует выделить два направления деятельности нашей внешней разведки, которые связаны с именами начальника отделения ИНО по Турции и Ближнему Востоку В. Хангулова и заместителя начальника ИНО Н. Мельникова. У них концентрировались материалы по первым зондажным подходам немецких дипломатов к официальным советским представителям.

Весной 1939 года мы получили первые сигналы из французской резидентуры об изменениях в польско-французских отношениях как традиционных союзников. Французские правящие круги, сообщал наш агент, завербованный еще Серебрянским и работающий в канцелярии премьер-министра Франции Деладье, очень раздражены зигзагами и шараханьем в польской внешней политике и что ее министр иностранных дел Бек не пользуется у них серьезным доверием.

Таким образом, еще весной 1939 года мы были осведомлены о том, что польско-французские и польско-английские отношения находятся в подвешенном состоянии. И следовательно, тот зондаж, который был начат с нами о содружестве и гарантиях западных держав в отношении Польши, когда Гитлер выступил с открытыми территориальными претензиями к ней, уже воспринимался нами очень сдержанно.

В то же время Польша изъявляла гораздо большее желание договориться с Гитлером об урегулировании возникшей ситуации. В связи с этим мне вспоминается совещание в кабинете начальника ИНО Фитина относительно сообщений, поступивших из Турции, на котором присутствовал и Хангулов.

Как только германское посольство в Турции возглавил фон Папен, он поставил ряд острых политических вопросов перед нашими представителями. Мне пришлось этим серьезно заниматься, потому что, с одной стороны, наш посол сообщал о беседах, которые у него были с Папеном, с другой – в то время как резидентура ставила нас в известность о другом важном обстоятельстве – главной целью Папена было добиться в любом варианте неофициальной встречи с заместителем наркома иностранных дел В. Потемкиным, который находился тогда в Турции. Сейчас почему-то недооценивают значение этих событий.

Надо сказать, что в то время у нас с Турцией складывались особые отношения: через эту страну прорабатывались довольно деликатные вопросы связей СССР со странами Запада. Турецкое руководство стремилось играть роль неофициального посредника между Советским Союзом, Англией и Германией в обсуждении спорных проблем.

Сообщение нашей резидентуры о том, что немцы просят турок через свои связи в Москве выйти на кремлевское руководство, пришло почти одновременно с информацией о беседе, которую имел наш посол в Турции А. Терентьев с фон Папеном.

Помнится, Хангулов и Мельников докладывали эти материалы Фитину, а потом и Меркулову. Интересно, что запись беседы посла СССР в Турции Терентьева с Папеном вел сотрудник Иностранного отдела НКВД, работавший под прикрытием в посольстве. Немецкое руководство посредством Папена ставило перед нами весьма важные вопросы. Они касались политики на Балканах, будущего стран Восточной Европы, стабилизации обстановки на Кавказе и в Иране.

Вторая беседа Терентьева с Папеном состоялась уже по инициативе советской стороны. Обсуждался вопрос, касающийся урегулирования конфликта Германии с Польшей. При этом Папен был довольно сговорчив. Но вместе с тем он излагал концепцию Германии о ее обязательном присутствии на Балканах и необходимостью установления новых отношений с СССР.

Папен неоднократно повторял, что между Советским Союзом и Германией нет никаких неразрешимых противоречий, которые бы препятствовали их сближению, что нужно строить отношения совершенно по-другому, на новых основах. В шифровках содержались даже высказывания, касающиеся идеологических разногласий, что их надо оставить в стороне и вернуться к былым бисмарковским временам дружественных отношений между Россией и Германией.

Должен откровенно признать, что, несмотря на эти материалы, мне и в голову не могло прийти, что вскоре, всего через три месяца, будет подписан важнейший договор с Германией о ненападении и экономическом сотрудничестве. Я тогда не понимал, что соображения Папена перекликались с тезисом, который Сталин высказывал еще на XVII и на XVIII съездах партии в своих отчетных докладах, – о разграничении идеологических противоречий и необходимости поддержания соответствующих межгосударственных отношений.

Таким образом, становилось очевидным, что советское руководство, давая директивы Терентьеву на дальнейшее прощупывание позиций Папена, рассматривало его не просто как посла, а как бывшего канцлера, руководителя немецкого правительства. Было ясно, что по собственной инициативе Папен не мог делать подобных заявлений (подтверждение этому мы получили из Берлина) и что он направлен Гитлером в Турцию послом с широкими полномочиями. В его задачу входило превратить Турцию в нейтральную важнейшую страну, мощную буферную зону, через которую следует прощупывать все возможные повороты в ближневосточной политике.

Сейчас много говорят о тайных советско-германских переговорах, о секретных протоколах, пытаются утверждать, что в одночасье был потерян шанс на достижение соглашения с западными державами, что Сталин предпочел договоренность с немцами отношениям с англичанами и французами. Это абсолютно не так. Буквально через две недели зам. наркома иностранных дел В. Потемкин оказывается вовлеченным в секретные переговоры с англичанами, которых также интересовали позиции советского правительства по мирному сотрудничеству.

И наконец, примерно в то же время, когда Потемкин беседовал с английским послом в Турции, проходила историческая встреча в Москве Молотова с немецким послом в СССР Шуленбургом, который ставил вопрос об улучшении советско-германских отношений. Шуленбург вел разговор об экономическом соглашении, но Молотов ответил, что экономическим переговорам должна предшествовать соответствующая политическая база и что советская сторона заинтересована в получении конкретных разъяснений в этой области. Противоречия между Германией, Англией и Францией активно втягивали СССР в самые узловые проблемы международных отношений. Внешнеполитическая деятельность Советского Союза постепенно приобретала судьбоносное значение для будущего Европы и мира.

В августе 1939 года объем разведывательной информации резко возрос. Мы получили достоверное сообщение о том, что французское и британское правительства не горят желанием

оказать Советскому Союзу поддержку в случае войны с Германией. Это вполне совпадало с данными, полученными нами тремя или четырьмя годами раньше от кембриджской группы. По этим сведениям, британский кабинет министров, точнее, Невилл Чемберлен и сэр Джон Саймон рассматривали возможность тайного соглашения с Гитлером для оказания ему поддержки в военной конфронтации с Советским Союзом. Особое внимание заслуживала информация трех надежных источников из Германии: руководство вермахта решительно возражало против войны на два фронта.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.